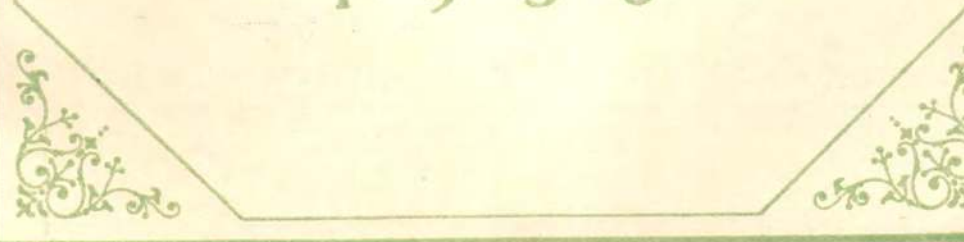

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

6

1 9 5 6

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1956

СОДЕРЖАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Пасхальные приветствия предстоятелей автокефальных православных церквей . .	3
Определения Священного Синода	6
Прием Патриархом Московским и всея Руси Алексием Патриарха-Католикоса всех армян Вазгена I	6
Иностранные гости в Московской Патриархии	6
Присутствие представителей Русской Православной Церкви на приемах в честь иностранных гостей	7

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Летопись церковной жизни:

Архипастырские труды	8
Освящение храмов	8
Освящение колоколов	9
Некрологи	10
Архиепископ Никон (некролог)	14

Духовная школа:

Проф. Н. Доктусов. Защита магистерской диссертации	16
--	----

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Митрополит Николай. Елеон	18
-------------------------------------	----

В ЗАЩИТУ МИРА

Митрополит Николай. Мир и дружба между народами	22
Митрополит Николай. На Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Сток- гольме	31
Р. Днепров. К цветущему древу жизни	36
Н. Яковлев. Голос поборников истины	39

СТАТЬИ

Митрополит Нестор. Радостная Пасха	41
Прот. И. Ефимов. Вознесение Господне в творениях песнословцев Св. Церкви	43
Прот. И. Потапов. Троицкая родительская суббота	44
Свящ. П. Викторov. Усвоение догматических истин человеческим сознанием . .	46
Проф. А. Иванов. Русская Православная Церковь и Православный Восток . . .	55
М. Виноградов. Православная Церковь и Англиканское исповедание после первой мировой войны	62

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Проф. И. Шабатин. Из истории взаимоотношений Сербской и Русской православ- ных церквей	67
---	----

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСЛАВНЫХ ИСПОВЕДАНИЙ

П. Харламов. Памяти Вильяма Джона Биркбека	76
--	----

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ПАСХАЛЬНЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕДСТОЯТЕЛЕЙ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ, ПОЛУЧЕННЫЕ СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ

Антиохийская Церковь

Ваше Блаженство, досточтимый и возлюбленный о Господе Брат!

Всерадостным святым во Христе братским пасхальным целованием сердечно благодарим и горячо приветствуем Ваше Блаженство жизнерадостным общехристианским: Воистину Христос Воскресе! с пожеланием Вашей Святыне в мире, добром здравии и благоденствии долго, долго жить на радость нам, на благо и во славу Церкви Российской и всего мирового Православия.

С братской любовью во Христе Иисусе

Александр III,
Патриарх Антиохии и всего Востока

Пасха Христова
1956 года,
в Дамаске

Грузинская Церковь

Примите сердечное всерадостное приветствие: Христос Воскресе!

Торжество это всерадостно и церковь поет: «ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя», «да празднует же мир видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное». «Рассвирепевший дракон» хоть и старается омрачать нашу радость (Откр. 12, 17), производя смуты, раздоры и несогласия в мире, но да не смущаются сердца наши и не уstraшаются, ибо мир обещал Господь Иисус Христос своим ученикам (Иоан. 14, 1, 27) и по воскресении из мертвых троекратно преподавал им мир (Иоан. 20, 19, 21, 26).

Итак, «возрадуемся и возвеселимся». Ибо Воистину Воскресе Христос!

Поздравляя Вас, Ваше Святейшество, и всю вверенную Вам Церковь с этим «веселием вечным», испрашиваю Ваших святых молитв, обнимаю и целую Вашу Святыню святым пасхальным целованием и остаюсь любящий во Христе Иисусе собрат и сослужитель

Мелхиседек,
Католикос-Патриарх всея Грузии

Пасха
1956 года

Сербская Церковь

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси, весьма любезный о Господе Брат и Сослужитель Нашей Мерности Господин Алексей, братски обнимая, наисердечно поздравляю Вашу Святыню.

«Стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (Ефес. 4, 3), с братской любовью и глубоким уважением, по случаю Праздника Воскресения Христова, приветствую Ваше Святейшество и Вашу паству древним и радостным христианским приветствием: Христос Воскресе!

Поздравляя от сердца с праздником Ваше Святейшество и «дорожа временем, потому что дни лукавы» (Ефес. 5, 16), соединяю свои молитвы с Вашими, да очистит Воскресший Господь Своею Кровью совесть человечества от мертвых дел (Евр. 9, 14), да будет уничиженное тело наше сообразно телу славы Его и да наступит на земле царство мира и любви и новая жизнь во Господе Иисусе Христе.

Желая от Господа Бога Вам и Вашей боголюбивой пастве всякого блага и успеха, остаюсь Вашего Святейшества во Христе Брат

Викентий, Патриарх Сербский

Накануне Воскресения 1956 г.,
Белград

Болгарская Церковь

Ваше Святейшество! Считаю радостным долгом поздравить Вас с Праздником праздников и поделиться с Вами волнующими нас мыслями по случаю торжества Воскресения Христова.

С полным основанием Святая Православная Церковь называет Пасху Господню «царицей праздников». Светлое событие, чествуемое в этот день, открыло источники радости. Воскресший Христос, Начальник жизни (Деян. 3, 15), победил смерть. Он рек мироносицам: «Радуйтесь» (Мф. 28, 9) и апостолам: «Мир вам!» (Иоан. 20, 19). От того дня какая радость озаряет души верующих! И сколь обильный мир преисполняет сердца любящих Господа!

Христово Воскресение для нас — пресветлый залог торжества добра над злом. С этой верой в сердце мы надеемся, что Воскресший Христос, завещавший мир Своим ученикам, умиротворит вселенную, во всех концах которой воссияют человеколюбие, правда, взаимное доверие и братское уважение среди народов.

Обнимая Вас с любовью о Господе, мы почтительно поздравляем Вас от имени Священного Синода и от своего имени с праздником светлой Пасхи Господней и желаем Вашему Святейшеству, Вашей священной иерархии и вверенной Вам пастве мира и радости о Господе на благо Вашей Святой Церкви и во имя преуспеяния Вашей великой Родины.

Кирилл, Патриарх Болгарский

София

Албанская Церковь

Христос Воскресе! Благодаря Вас за Ваши пожелания, приветствуем Вас с почтительным лобзанием и наилучшими пожеланиями во Христе Воскресшем.

**Паисий,
Архиепископ всея Албании**

Польская Церковь

Ваше Святейшество, Святейший Владыко и Возлюбленный Отец! Христос Воскресе! Прошу, Ваше Святейшество, принять мое сердечное приветствие со светлым и радостным праздником Воскресения Христова.

Этот великий праздник всякий раз напоминает нам, что и мы некогда воскреснем из мертвых для вечной блаженной жизни. «Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас,— писал св. апостол Павел римлянам,— то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас» (Рим. 8, 11). Воскресший Христос «есть умилоствление за грехи наши» (1 Иоан. 2, 2). Он возвратил нам потерянное через грехопадение наших прародителей. Воскресший Христос «верующим во имя Его дал власть быть чадами Божиими» (Иоан. 1, 12). Через Воскресение Христово мы «приняли Духа усыновления, Которым зываем: «Авва, Отче!»» (Рим. 8, 15). И Небесное Царство стало для нас родным.

Светлая радость Воскресения Христова да дарует Вашему Святейшеству крепость сил прославлять Воскресшего Господа многая, многая лета.

С преданной сыновней любовью

Макарий,

Митрополит Варшавский и вся Польши

Пасха Христова
1956 года,
в Варшаве

Чехословацкая Церковь

Ваше Святейшество! Христос Воскресе!

В «сей нареченный и святой день», когда ликует вся вселенная, прославляя «праздников Праздник» — Воскресение Христово, в духовной радости лобызаю Вашу Святыню и сердечно приветствую с радостным праздником Светлого Христова Воскресения.

«Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны, ...Христос бо воста — веселие вечное».

Весь мир видимый и невидимый празднует «начало иного жития вечного» — сей воистину «священный, всепразднственный, спасительный и светозарный праздник».

Днесь милость и истина встретились, правда и мир облобызались (Псал. 84, 11).

Мы прославляем «победу, победившую мир». Своим Воскресением Господь наш Иисус Христос победил людскую злобу и ненависть, победил мир, как и возвестил Своим ученикам: «Мужайтесь: Я победил мир» (Иоан. 16, 33).

Прославляя Христово Воскресение, «поклонимся Господу Иисусу, се бо прииде радость всему миру».

Да вселит Воскресший Господь в сердца наши Свою божественную любовь, да осенит нас Своею божественною благодатию и да благословит нас Своим благословенным миром.

Климент,

Заместитель Митрополита Пражского
и вся Чехословакии,
епископ Оломоуцко-Брненский

Пасха
1956 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

I. Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Алексия в заседании своем от 20 февраля сего года определил: назначить начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме члена Миссии игумена Пимена (Хмелевского) с возведением его в сан архимандрита.

II. Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Алексия в заседании своем от 25 апреля сего года определил:

1. На освободившуюся, в связи с кончиной архиепископа Никона, Херсонскую и Одесскую епархию назначить управляющего Краснодарской епархией архиепископа Бориса с поручением ему временного управления Ворошиловградской епархией и с оставлением за ним звания Экзарха Северной и Южной Америки.

2. Временное управление Краснодарской епархией поручить епископу Новороссийскому Сергию, викарию Краснодарской епархии.

ПРИЕМ ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ

ПАТРИАРХА-КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ВАЗГЕНА I

14 мая сего года Верховный Патриарх-Католикос всех армян Вазген I посетил Патриарха Московского и всея Руси Алексия в его резиденции в Москве. Между ними состоялась дружеская беседа.

ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ В МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

20 апреля сего года член Священного Синода Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай принял находившегося в Москве члена Всемирного Совета Мира священника Методистской Церкви Австралии преп. Фрэнка Хартли и беседовал с ним по вопросам участия христиан в защите мира.

*
* *

В ночь на 23 апреля (6 мая) сего года в Богоявленском Патриаршем соборе на Пасхальном богослужении, совершенном Святейшим Патриархом Алексием, присутствовали главы и сотрудники ряда дипломатических представительств, аккредитованные в Москве, члены делегации Французской Социалистической партии, группа иностранных журналистов.

*
* *

30 апреля сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай принял австралийского унитарного священника Виктора Джеймса, Секретаря Всеавстралийского Комитета защиты мира, и имел с ним беседу по вопросам участия христиан в защите мира.

30 апреля сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай принял находившегося в Москве дипломатического редактора парижской газеты «Монд» Эдуарда Саблие и имел с ним продолжительную беседу. Г-н Саблие интересовался положением и жизнью Русской Православной Церкви, ее взаимоотношениями с поместными православными церквями, отношением к Римско-Католической Церкви и к Всемирному Совету Церквей.

12 мая сего года Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай принял Президента Союза французских женщин-избирателей г-жу Жермен Малатерр-Селье, которая интересовалась положением религии в СССР и устройством Русской Православной Церкви. В беседе был затронут вопрос о деятельности Римско-Католической и Русской Православной церквей в области упрочения мира между народами.

ПРИСУТСТВИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ПРИЕМАХ В ЧЕСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГОСТЕЙ

17 апреля сего года на приеме, устроенном Чрезвычайным и Полномочным Послом Сирийской Республики в СССР Жамалем Е. Д. Фарра по случаю национального праздника — Дня эвакуации, в числе других приглашенных гостей, присутствовали: Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай и управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Ф. Колчицкий.

ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Архипастырские труды

В ноябре — декабре 1955 года архиепископ Свердловский и Ирбитский Товия совершил объезд своей обширной епархии. 19 ноября он прибыл в Магнитогорск и вечером совершил всенощное бдение, а на другой день утром — Божественную литургию в новом храме Святителя Николая, построенном в 1947 году иждивением верующих. Всенощное бдение в канун праздника св. Архистратига Божия Михаила и Божественную литургию в самый день праздника архипастырь совершил в другом храме города Магнитогорска. По окончании богослужения он сказал проповедь о мире, любви и согласии, как об основных элементах христианской жизни, и, преподав благословение молящимся, отбыл, после братской трапезы, в г. Верхне-Уральск.

В Верхне-Уральске вечером 21 ноября архиепископ Товия, в сослужении многочисленного духовенства, совершил в старинном соборе Святителя Николая всенощное бдение, а утром 22 ноября, в день чествования иконы Божией Матери «Скоропослушницы», — Божественную литургию.

5 декабря 1955 года архиепископ Товия прибыл в г. Троицк, Челябинской епархии, и в храме св. благоверного князя Александра Невского совершил всенощное бдение, а в самый день праздника — Божественную литургию, после которой отслужил молебен и сказал поучение. Вечером 6 декабря и утром 7 декабря архиепископ Товия, в сослужении местного и приезжего духовенства, совершил всенощное бдение и Божественную литургию в храме св. великомученика Димитрия Солунского. Несмотря на будничныи день, храм не мог вместить молящихся. После литургии и молебна архипастырь и здесь произнес назидательную проповедь.

В субботу 3 марта 1956 года архиепископ Товия снова посетил г. Магнитогорск и совершил всенощное бдение в храме Святителя Николая. Божественную литургию в воскресенье 4 марта он совершил в храме Архангела Михаила, в сослужении четырех протоиереев, двух священников и двух диаконов. После литургии и молебна архиепископ Товия сказал назидательное слово, в котором призывал к жизни по заповедям Спасителя. Преподав благословение верующим, архипастырь отбыл в г. Свердловск.

Освящение храмов

В предместьи г. Судогда, Владимирской епархии, в селе Спас-Беседы, стараниями священника о. Михаила Гордуза капитально отремонтирован на пожертвования верующих старинный храм Преображения Господня. Внутри храма сооружен третий придел в честь Казанской иконы Божией Матери и реставрированы вся храмовая стенная живопись

и орнаменты. Одновременно построен и новый жилой дом для духовенства. Храм и прилегающие к нему жилые здания обнесены красивой оградой. По окончании работ 12/25 декабря 1955 года, при большом стечении верующих, состоялось освящение храма и нового придела.

*
* *

22 апреля 1956 года Преосвященным Сергием, епископом Старорусским, было совершено освящение вновь устроенного придела в честь преподобного Нила Столбенского при Успенской церкви села Бор, Маловишерского района, Новгородской епархии. В иконостас нового придела был помещен ряд древних икон, в том числе царские врата начала XVIII века, а также иконы св. апостолов, относящиеся к XVIII веку. Множество верующих собралось помолиться за умирительным чином архиерейского богослужения, за которым Преосвященный Сергей произнес назидательное слово о значении храма в жизни верующего.

Освящение колоколов

26 апреля 1956 года во дворе Антиохийского подворья в Москве состоялось церковное торжество: Преосвященный Василий, епископ Сергио-

ОСВЯЩЕНИЕ КОЛОКОЛОВ ДЛЯ ХРАМА АНТИОХИЙСКОГО ПОДВОРЬЯ

польский, в сослужении местного духовенства, совершил освящение колоколов, которые после молебна были подняты на колокольную.

7 марта 1956 года, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался настоятель храма Сошествия Святого Духа, что на Даниловском кладбище г. Москвы, протоиерей Павел Степанович Успенский. Его жизненный путь таков: родился в 1885 году в семье сельского псаломщика, в 1906 году окончил Московскую духовную семинарию, до 1919 года был учителем церковно-приходской школы, затем служил псаломщиком и диаконом, а в 1929 году стал священником и служил сначала настоятелем храма, что в Филипповском переулке г. Москвы, а с 1941 года — настоятелем храма Даниловского кладбища.

За свое усердное служение о. Павел был награжден всеми наградами: от набедренника до права служения литургии с открытыми Царскими вратами.

В день погребения, 9 марта 1956 года, богослужение совершал благочинный кладбищенских церквей г. Москвы протоиерей о. Павел Цветков в сослужении местного духовенства; отпевание почившего совершил архиепископ Можайский Макарий.

Проводить в последний путь настоятеля о. Павла собралось много прихожан, выразивших свою любовь и признательность к почившему искренними слезами и добрыми воспоминаниями.

*
* *

В ночь на 30 марта сего года скоропостижно скончался настоятель московского храма Всех Святых митрофорный протоиерей Михаил Фокеевич Голунов. Смерть постигла его на 72 году жизни.

Почивший пастырь происходил из бедной семьи г. Уральска. Обладая хорошими способностями, он успешно закончил духовное училище в г. Уральске и был принят на казенный счет в Оренбургскую духовную семинарию, которая помогла усердному юноше еще более развить свои дарования. Здесь он изучил теорию церковного пения, овладел искусством управления хором, полюбил уставность богослужения и глубоко усвоил предметы богословского ведения.

Пастырское служение о. Михаила началось в Круглозерновском поселке Уральской области. Через три года он был переведен в Благовещенский храм г. Уральска. Здесь его пастырское служение развернулось еще шире: он преподавал Закон Божий в двух средних школах, а с 20-х годов состоял благочинным церквей Уральска.

Добрая слава об о. Михаиле как ревностном пастыре и неутомимом проповеднике распространилась по всей Уральской епархии и способствовала избранию его в члены Всероссийского Поместного Собора, заседавшего в Москве в 1917—18 годах. О работе этого Собора почившим была написана очень обстоятельная статья, помещенная в церковном календаре того времени.

Пастырское служение о. Михаила в Уральске продолжалось до 1925 года, после чего в его пастырской деятельности начался новый — московский — период, длившийся с некоторыми перерывами до дня его смерти. Начался этот период с настоятельства в Замоскворецком храме священномученика Климента. Много и плодотворно трудился здесь о. Михаил и над организацией церковного хора и над созданием благолепия в храме и в богослужении и над проповедыванием слова Божия. Эти труды продолжались до 1933 года. С новой энергией возобновились они с середины сороковых годов, сначала в Воскресенском храме, что в Брюсовском переулке, а затем в храме преподобного Пимена Великого. С 1949 по 1953 год о. Михаил священствовал в Успенском кафедраль-

пом соборе г. Владимира и был там секретарем Епархиального управления и благочинным городских храмов. С 1953 года он снова стал служить в Москве, сначала в Тихвинском храме села Алексеевского, а затем — в храме Всех Святых.

Богато одаренный от природы, о. Михаил не зарыл в землю ни одного из своих талантов. Один из авторитетных знатоков и руководителей церковного пения в наши дни так отзывался о его трудах в области церковного пения: «о. Михаил по праву руководил церковными хорами во всех приходах его служения. Особенно ярким примером этого руководства явился храм Всех Святых, где он возредил давно забытые роспевы, являя этим пример выполнения указаний Святейшего Патриарха Алексия от 18 апреля 1948 года («Ж. М. П.» № 5, 1948 год)»¹.

С первых же лет своего пастырства о. Михаил не оставлял ни одной праздничной службы без проповеди. Он всегда близко принимал к сердцу слово апостола: «Горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9, 16), если оставляю без назидания и вразумления от Бога данную мне паству. «Немой» пастырь — не пастырь», — говорил он и пользовался каждой возможностью, чтобы проповедывать слово Божие (2 Тим. 4, 2).

В груди его билось большое, подлинно пастырское, любящее сердце. Особой духовной собранностью и мудростью дышала вся его натура, производя неизгладимое впечатление на всех, с ним соприкасавшихся. В соответствии с его внутренним обликом был и его наружный вид: благообразный и подлинно священнический. Будучи старшим по возрасту и положению в среде своих сослуживцев, он был способен первым просить прощение, если возникало какое-либо недоразумение в отношениях с сослуживцами по вине последних. Для него было невозможным совершать литургию и говорить: «Христос посреди нас», если среди сослужащих было хоть одно лицо, с которым у него нарушалось мирное, братское отношение.

Время от времени появлялись у него и враги, то есть те, кто питал к нему неприязненные чувства, но он сам никогда не был чьим-либо врагом: вместо вражды и неприязни в его сердце рождалась скорбь за нарушенное братолюбие. Поэтому светлый облик этого доброго и мудрого пастыря навсегда останется в душе тех, кто имел счастье встречаться или служить с ним.

Смерть о. Михаила последовала в ночь на пятницу (на 30 марта), а отпевание было совершено в понедельник. В эти дни тело почившего находилось в храме, почти все время окруженное скорбящим народом из разных приходов г. Москвы. Много панихид было совершено по почившем. Отпевание совершил архиепископ Можайский Макарий в сослужении многих представителей московского духовенства. Тело почившего о. Михаила было предано земле на Даниловском кладбище.

Вечная память тебе, ревностный и верный служитель Церкви Христовой!

*
* *

8 апреля 1956 года коллектив ленинградских духовных школ понес тяжелую утрату: скончалась преподавательница французского и английского языков Екатерина Николаевна Бояновская. Покойная умерла в возрасте 69 лет, еще полная энергии и желания работать. Десять лет последнего периода ее жизни связаны с духовной школой. Всегда отзывчивая и на печаль и на радость других, необычайно чуткая, умевшая угадывать и понимать юношеские волнения и заботы своих питомцев,

¹ Н. С. Данилов, Страничка воспоминаний о прот. М. Ф. Голунове (рукопись).

она была сыновне любима и уважаема безраздельно всеми учащимися. Профессорско-преподавательский коллектив академии и семинарии также высоко чтит и уважал Екатерину Николаевну, зная ее преданность делу духовного образования и ее высокие моральные качества.

Отпевание умершей состоялось в академической церкви 11 апреля, после литургии преждеосвященных Даров. Гроб утопал в живых цветах и венках. После отпевания провожавшие в большом составе последовали на Охтенское кладбище, где тело умершей было предано земле. Перед опусканием гроба в могилу прощальное слово было произнесено доцентом М. Русаковым.

*
* *

23 апреля сего года после продолжительной и тяжелой болезни тихо почил о Господе достойнейший пастырь Церкви прот. Василий Карпович Закидальский.

Покойный о. Василий родился на Волыни в 1901 году, в духовной семье. Через год по окончании Волынской духовной семинарии молодой богослов принял посвящение в иерея. Образованный, идейно настроенный пресвитер в краткое время завоевал нелицемерную любовь и уважение своих пасомых. В течение ряда лет он состоял благочинным в разных округах Волынской епархии.

Отпевание покойного состоялось 27 апреля в Киверцовской церкви сонмом духовенства и было предварено словом окружного духовника, посвященным светлой памяти почившего.

Чинно, уставно проходил чин отпевания. Духовные чада покойного собрались помолиться за своего доброго пастыря и проститься с ним. Вынос тела из храма совпал с окончанием рабочего дня и проводы о. Василия к месту вечного упокоения были скорбно-торжественны и многолюдны.

*
* *

4 мая 1956 года скончался доцент Московской духовной академии Михаил Николаевич Виноградов. Почивший был отзывчивым наставником, оставившим самую светлую память у воспитанников московских духовных школ и снискавшим уважение сотоварищей по работе.

М. Н. Виноградов родился в 1887 году в семье служащего. Среднее образование он получил в Московской духовной семинарии, по окончании которой поступил в Московскую духовную академию. Завершив в ней высшее духовное образование с ученой степенью кандидата богословия, Михаил Николаевич занялся педагогической деятельностью: сначала преподавал и был инспектором Иллуктского Епархиального женского училища, Рижской епархии, затем служил в качестве преподавателя светских средних учебных заведений. В 1951 году его зачислили преподавателем Московской духовной семинарии и в том же году он получил звание доцента по кафедре расколоведения и сектоведения в академии.

Еще будучи студентом Московской духовной академии, М. Н. Виноградов управлял хором академического храма, а после окончания академии до последних дней жизни состоял регентом церковных хоров в различных храмах г. Москвы, отдавая всей душой любимому им делу церковного пения.

Светлый образ церковного труженика останется в памяти многочисленных его учеников и сослуживцев. Да упокоит Господь раба Своего в небесных обителях!

*
* *

6 мая 1956 года в первый день Светлого Христова Воскресения за вечерним богослужением трагически погиб от удара молнии настоятель храма в селе Кузнецово, Шуйского района, Ивановской области, священник о. Леонид Добров.

По распоряжению архиепископа Ивановского и Кинешемского Венедикта погребение иерея Леонида Доброва произведено было 11 мая 1956 года.

После литургии о. благочинный обратился к многочисленным прихожанам с призывом возносить свои молитвы о причтении души усопшего «в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, идеже вси праведнии пребывают». После отпевания по чину гроб с останками почившего трижды обнесен был вокруг храма и опущен в могилу внутри церковной ограды.

*
* *

11 мая сего года после многих лет болезни на 83 году жизни тихо скончался протоиерей-профессор б. Казанской духовной академии и университета Николай Васильевич Петров.

Н. В. Петров родился в бедной сельской семье псаломщика. Учился он в Ливенском духовном училище. Пытливый, богатый ум, ясная память от природы влекли его к знанию. Он отлично заканчивает Орловскую духовную семинарию и посылается в Казанскую духовную академию, где зарекомендовал себя среди профессоров и товарищей, как исключительно вдумчивый, талантливый студент. В 1900 году он заканчивает первым по списку академию, где и определяется его дальнейшая научная работа как философа, и он остается доцентом академии. В 1908 году Н. В. Петров принимает рукоположение.

В качестве доцента, а затем профессора духовной академии, Николай Васильевич всецело отдается труду и подвигу проповеди слова Божия, раскрытию истин Православия. Современники его, студенты академии и университета, помнят, что лекции его неизменно проходили в самых больших аудиториях, в переполненных залах. Столь же простым, глубоким и ясным в изложении мысли был о. Николай и в своих проповедях в церкви университета, а потом с 1919 года в Варваринской церкви г. Казани, где он был настоятелем.

На 55 году жизни постигли о. Николая тяжкие недуги, оторвавшие его от служения Церкви. Однако, не взирая на плохое состояние здоровья, в 1943 году он возвратился к алтарю, священствовал в Благовещенском храме г. Муром, — возвратился, увы, ненадолго. В 1945 году новая болезнь приковала его к постели и уже навсегда лишила возможности продолжать свое пастырское служение.

Каждого, встречавшегося с ним в жизни, о. Николай подкупал исключительной глубиной знаний, простотой и скромностью, прямоотой и честностью и особой незабываемой обаятельностью. Эти черты его характера хорошо отмечены в телеграмме архиепископа Владимирского Онисима ко дню похорон скончавшегося: «Вместе с вами скорблю о кончине нашего многоуважаемого, кроткого, смиренного пастыря, старца и профессора, крепко державшего знамя веры и своей деятельностью и образованием подготовившего для Церкви Христовой многих достойных архипастырей. Мир его незлобивой душе».

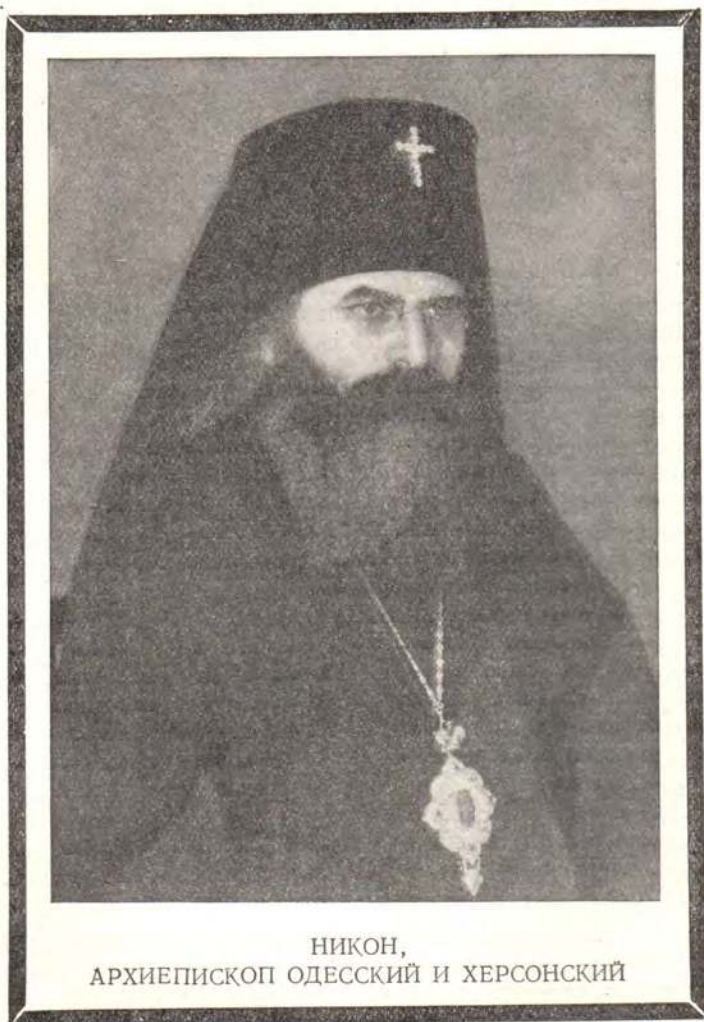
Почивший пастырь оставил после себя богатое научно-богословское наследие и немеркнущую память.

АРХИЕПИСКОП НИКОН

(НЕКРОЛОГ)

16 апреля сего года после продолжительной и тяжелой болезни скончался один из виднейших иерархов Русской Православной Церкви — преосвященный Никон, архиепископ Одесский и Херсонский.

Архиепископ Никон, в мире Александр Порфирьевич Петин, родился 1 июня 1902 года в Екатеринодаре. Учиться он начал шести лет, в одной из начальных школ города, а затем, — в местном духовном училище. В 1914 году А. П. Петин поступил в Ставропольскую духовную семинарию. В 1920 году учился в Кубанском Политехническом институте.

НИКОН,
АРХИЕПИСКОП ОДЕССКИЙ И ХЕРСОНСКИЙ

Служение Святой Церкви почивший начал в должности псаломщика Успенского храма гор. Краснодара. В 1928 году он принял священство, оставаясь celibатом, и пастырствовал в Пензенской и Калининской епархиях до 1944 года, когда в Бозе почивающий Святейший Патриарх Сергей признал его достойным епископского сана. Отец Александр Петин был пострижен в монашество с именем Никона и 21 мая вышеуказанного года хиротонисан во епископа Ворошиловградского. Хиротонию совершали: высокопреосвященный Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский, преосвященный Елевферий, епископ Ростовский и Таганрогский, и преосвященный Иларион, епископ Дмитровский. Новопостав-

ленному епископу была вверена в управление Ворошиловградская и Донецкая епархия.

Много трудов пришлось положить Владыке Никону в крае, сильно пострадавшем от вторжения гитлеровских полчищ. Значительное число храмов требовали восстановления и снабжения их всем необходимым, нужно было собирать и устраивать клир, пережившие ужасы вражеского нашествия пасомые нуждались в непрерывной духовной поддержке, утешении, ободрении, укреплении в них веры и надежды на помощь Божию в их личных горестях, печалях, утратах. Недюжинная энергия молодого архипастыря, его настойчивость, его преданность возложенному на него долгу помогли ему преодолеть все затруднения и в короткое время поставить врученную ему епархию на надлежащую высоту.

3 августа 1948 года Святейший Патриарх призвал епископа Никона на Одесско-Херсонскую кафедру, с временным оставлением в его управлении Ворошиловградской и Донецкой епархии. С тою же энергией и на новом месте служения архипастырь принялся за устройство епархиальной жизни, за восстановление и украшение храмов Божиих, за насаждение благочиния и благолепия в богослужении и усиление проповеди слова Божия. По почину и под непосредственным руководством епископа Никона Успенский кафедральный собор гор. Одессы был обогащен превосходной церковной живописью, в нем сооружены новые иконостасы, переоборудовано электрическое освещение, устроено центральное отопление, значительно пополнена ризница. Его же трудами воссозданы Успенский мужской монастырь, Феодосиевский Балтский мужской монастырь и Одесский Михайловский женский монастырь. Всех храмов Одессы и большинства их в Одесской и Херсонской областях коснулась забота неустанного в своей плодотворнейшей деятельности епархиального архиерея. Но предметом особого внимания и попечения Владыки Никона была Одесская духовная семинария. Приведенный в образцовый порядок учебный корпус, новое помещение для общежития воспитанников, при котором оборудованы медицинский и зубоучебный кабинеты, многократно увеличенная библиотека, читальный зал — всем этим духовная школа Одессы обязана архиепископу Никону. К самим воспитанникам семинарии Владыка относился с подлинно отеческой любовью, входил в их нужды, в потребных случаях оказывал им материальную поддержку, как, впрочем, никогда и никому не отказывал в ней из обратившихся к нему верующих.

Святейшему Патриарху угодно было неоднократно давать Владыке Никону весьма ответственные поручения. Так, он входил в состав делегации Русской Православной Церкви на юбилейных торжествах Блаженнейшего Патриарха Антиохии и всего Востока Александра III в Дамаске, в качестве представителя Святейшего Патриарха путешествовал в Албанию к Блаженнейшему Архиепископу Паисию, деятельно участвовал в приеме многих иностранных церковных делегаций при посещениях им летней патриаршей резиденции в городе Одессе.

Высокополезные труды преосвященного Никона на благо Святой Церкви Святейшим Патриархом отмечены были 19 августа 1951 года возведением его в сан архиепископа и присвоением ему 11 сентября 1954 года права ношения креста на клобуке.

Многообразной и богато одаренной была натура почившего. Практический опыт, острый ум, трезвая оценка действительности, исключительная энергия и то внутреннее беспокойство, которое свойственно людям большой ответственности, укрепили за ним репутацию церковного собирателя, строителя, рачительнейшего хозяина. И вместе с тем наделен он был высокой эмоциональностью. Он как бы упивался богослужением, отдавал ему всю вдохновенную свою силу, душевный жар. Он в высокой степени владел даром слова и проповеди его, исполненные совершенной искренности и живых, неподдельных чувств, захватывали людей, были

исключительно популярны в среде рядового верующего народа. Личное обаяние, столь свойственное ему, влекло за собою не только любовь к нему пасомых, но и глубокое уважение людей, стоящих в стороне от церковной ограды.

Всецело отдаваясь своему святительскому служению, Владыка Никон совершенно не щадил себя физически. Чувствуя временами серьезное недомогание, он ни в малой степени не ослаблял своей деятельности и с прежней настойчивостью и перенапряженной энергией продолжал нести бремя управления двумя обширными епархиями. Между тем здоровье его все сильнее шло на убыль. В ноябре 1955 года Владыка Никон выехал в Ворошиловград для разрешения ряда вопросов служебно-административного порядка. Во время этого злополучного путешествия болезнь настолько обострилась, что в следующем месяце его привезли в Одессу уже совершенно лишенным сил. Больше он не вставал с постели.

Вскоре после возвращения в свою резиденцию архиепископ Никон пожелал, чтобы над ним совершили таинство Елеосвящения. По распоряжению Владыки, словно предчувствовавшего скорый переход в небесные обиталища, в домовой церкви его покоев часто совершалась Божественная литургия и он приобщался Святых Таин. Особую радость доставляли ему посещения воспитанников семинарии и представителей духовенства и архиерейского хора, которые у одра Владыки исполняли церковные песнопения. Когда силы позволяли ему, он и сам вдохновенно принимал в них участие.

В 4 часа 30 минут пополудни 16 апреля архиепископ Никон отошел ко Господу. Тело почившего, после помазания елеем, было перенесено в Крестовую церковь и здесь сонмом священнослужителей, при пении архиерейского хора, облачено в святительские одежды, и, покрытое мантией, положено на катафалк. Священники непрерывно читали Евангелие, семинаристы несли дежурство у гроба своего духовного отца, попечителя и неослабного в милостях благодетеля.

18 апреля тело архиепископа Никона при большом стечении народа было перенесено из Крестовой церкви в Успенский кафедральный собор, а в субботу 21 апреля предано погребению в склепе нижнего храма Успенского собора. Погребение совершали: Патриарший Экзарх Украины Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, Патриарший Экзарх в Северной и Южной Америке архиепископ Алеутский и Северо-Американский Борис, представитель Антиохийского Патриарха епископ Сергипольский Василий, епископ Кировоградский Иннокентий, епископ Уманский Нестор и пребывающие на покое Митрополит Серафим (Лукиянов) и епископ, быв. Архангельский, Феодосий (Ковернинский), в сослужении всего городского духовенства, а также большого числа представителей от духовенства Ворошиловградской и Донецкой епархий.

Многочисленная паства со слезами неподдельной скорби провожала к месту вечного упокоения своего любимого, незабвенного архипастыря.

Прот. И. Андриевский

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

ЗАЩИТА МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

18 апреля сего года на заседании Совета Московской духовной академии доцент А. И. Иванов защищал магистерскую диссертацию на тему «Критические издания новозаветного текста и принятый Православную Церковь текст». Автор наметил следующие задачи для своего исследования: а) обозреть рукописные свидетельства, привлекаемые текстуаль-

ной критикой; б) дать характеристику важнейших критических изданий с указанием методов и принципов реконструкции текста; в) рассмотреть отклонения критических изданий от общепринятого церковного текста; г) выдвинуть основные проблемы текстуальной критики и наметить пути к их разрешению.

В соответствии с этим планом вся диссертация распадается на пять частей: 1) Материалы новозаветной текстуальной критики. 2) История искажения первоначального текста. 3) Оценка критических изданий Нового Завета в их отношении к общепринятому церковному тексту. 4) Рассмотрение реконструкции послания к Евреям в издании проф. Г. Зодена. 5) Проблемы текстуальной критики.

Заседание Совета происходило в актовом зале академии под председательством ректора прот. К. И. Ружицкого и в присутствии всех учащихся академии и семинарии. После того как секретарь Совета доцент Н. И. Муравьев доложил *curriculum vitae* диссертанта, А. И. Иванов выступил с речью, в которой подробно изложил содержание диссертации.

В качестве официальных оппонентов выступили проф. Н. П. Доктусов и доц. Н. М. Лебедев, которые указали на недостатки и достоинства работы. Из отзывов следует, что познавательная ценность диссертации несомненна, что автор рассматривает весьма важные вопросы, касающиеся существующих разночтений в критических изданиях греческого текста Нового Завета, и намечает проблемы текстуальной критики. Нужно приветствовать попытку автора путем сопоставления греческого текста Нового Завета, принятого Православной Церковью, с текстом западных критических изданий показать преимущественные достоинства первого.

С замечаниями выступили проф.-прот. А. А. Ветелев, профессор И. Н. Шабатин и доц.-свящ. К. В. Нечаев.

Тайным голосованием доцент А. И. Иванов был признан достойным ученой степени магистра богословия.

Проф. Н. Доктусов,
инспектор Моск. дух. академии

ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЕЛЕОН

СЛОВО,
СКАЗАННОЕ В ПИМЕНОВСКОЙ ЦЕРКВИ г. МОСКВЫ

Сегодня своими духовными очами мы видим, дорогие мои, как из города Иерусалима вышел Господь Иисус Христос, окруженный учениками, и, беседуя, медленно направился с ними на вершину горы Елеонской.

Эта гора расположена совсем рядом со священной столицей Палестины. Одиннадцать лет тому назад Господь удостоил меня идти тем же путем на Елеонскую гору. Какое это счастье для верующего сердца!

У подножия этой горы распростерся Гефсиманский сад, и перед входом в него — подземный храм на месте погребения Божией Матери. А за Гефсиманским садом, остатки которого со времен Спасителя сохраняются доселе, дорога извилисто поднимается вверх. Надо пройти мимо женского монастыря, расположенного примерно на середине между подшовой и вершиной горы, и дальше направляться уже прямой дорогой. Под ногами — земля, сильно истертая стопами многочисленных паломников. По обе стороны широкой дороги — оливковые деревья, растущие так близко друг от друга, что местами ветви их сплетаются вместе и над головой образуется как бы зеленый шатер. Потом эти деревья раздвигаются и паломник входит на вершину.

В дни Своего земного подвига Спаситель любил сюда восходить для уединенной молитвы. Сейчас Он идет в окружении апостолов, которые не знают, что через немного минут расстанутся видимо со своим Божественным Учителем.

Он оставил им последнее завещание — не уходить никуда из Иерусалима, пока, согласно Его обещанию, не сойдет Дух Святой. Его Он пошлет от Отца Небесного для того, чтобы Он пребывал в Церкви Христовой до скончания века, питая, укрепляя, утешая и спасая для жизни вечной всех тех, кто пойдет по зову Христову за своим Спасителем.

Окончилась на горе последняя речь Господа Иисуса Христа. Он благословил учеников и, продолжая благословлять, стал подыматься в небесную высоту. Вскоре облако скрыло Его от глаз апостолов, которые поклонились Вознесшемуся Господу и вернулись в Иерусалим, — как говорят свв. евангелисты, — с «великою радостью» (Лук. 24, 52).

Они радовались тому обещанию, которое Господь оставил, — быть с ними и со всеми верующими до «скончания века» (Мф. 28, 20).

Они были утешены словами Господа о том, что скоро, хотя дня Он не открывал им, Он ниспошлет Духа Святого, Который напомнит им, — по славу Христову, — обо всем, чему учил их Христос, наставит их на всякую истину и будет их Спутником, Утешителем на всех путях их жизни земной и их апостольского подвига (Иоан., гл. 14).

Может быть, дорогие мои, чей-нибудь пытливый ум спросит: почему угодно было Господу вознестись на небо и прекратить Свое видимое

пребывание на земле? Проникнуть в тайны Промысла Божия мы не могли бы своим малым, ограниченным человеческим умом, если бы на этот вопрос не ответил бы нам Сам Христос.

Прощаясь со Своими учениками на Тайной Вечери, Он им много говорил о Своем предстоящем отшествии с земли и возвращении в место славы вечной, к Своему Небесному Отцу. Как бы отвечая нашей пытливой мысли, почему Он не остался на земле, чтобы радовать, утешать и укреплять людей Своим видимым земным пребыванием,— Христос сказал в Своей прощальной беседе с учениками: «Лучше для вас, чтобы Я пошел». «Я иду к Отцу Моему». «Аз умолю Отца о вас» (Иоан. 16, 7, 10, 26).

Господь вознесся на небо в прославленном человеческом теле, в том теле, в котором Он до крестной смерти жил на земле и которое преобразилось в Нем по Воскресении. И мы должны радоваться тому, что наша человеческая природа так возвеличена и так возвышена Господом Иисусом Христом, что Он благоволил в пречистом теле Своем возвестись на небо, чтобы наше человеческое естество поставить выше херувимов и серафимов, чтобы в нем пребывать и в тот день, о котором ведомо только одному Господу, вновь придти для суда над всем родом человеческим.

Теперь Он — наш Небесный Ходатай перед Отцом Своим (1 Иоан. 2, 1). Он — Источник всяческих благ. Возносясь, Он продолжал благословлять учеников, оставляемых Им на земле, и продолжает раздавать благословения всем верующим в Него.

Если бы Он остался на земле, Он был бы в пределах только Палестины; и Его благословения продолжали бы принимать только те, кто Его видел. Кто к Нему подходил и к кому Он ходил, путешествуя из города в город. А с высоты небесной Он обнимает Своим благословением всю вселенную. Все мы, верующие в Него, когда с верой и молитвой обращаемся к Господу, принимаем Его Божественные благословения.

В Палестине Он раздавал Свои благодеяния только тем, с кем Он соприкасался. Сейчас Он простирает руку Своей милости, Своей помощи всем верующим в Него, где бы, на каком конце земли, этот верующий ни проживал и с какого конца земли ни простирает бы к Нему своих воздыханий, своих просьб.

Может быть, встанет и другой вопрос перед мыслью человека: почему же не остался Спаситель ради тех, кто еще не знал Его, или ради заблудшихся, которых надо исправить, ради грешников, которых надо было привести к покаянию?

Господь Спаситель отвечает и на этот вопрос нашего ума. Он сказал в дни Своей земной жизни: «Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Иоан. 12, 32). Господь вознесся на небо, чтобы оттуда всех привлекать к Себе: и не знающих Его, и заблудшихся о Нем, и грешных, нуждающихся в помиловании.

Смотрите. Вот иудеи кричат в ожесточении своих сердец: «Возьми, возьми, распни Его». Вот они издеваются над Ним, умирающим на кресте. А в день сошествия Святого Духа на апостолов, через немного дней после этого проявления крайнего озлобления иудейских душ, апостол Петр произносит свою первую проповедь после озарения Духом Святым. И что же говорит священный писатель книги Деяний апостольских: «Услышав это (проповедь ап. Петра), они умилились сердцем и сказали Петру и прочим апостолам: что нам делать, мужи братия?» И св. апостол призвал их к покаянию и принятию святого крещения «для прощения грехов» (Деян. 2, 37—38).

Вот что сделал Господь через Духа Святого. Тысячную толпу народа привел к Своим ногам через эту проповедь.

А почему язычники стали разбивать своих идолов и тысячами стали обращаться ко Христу? Кто как не Он, исполняя Свое Божественное

обещание, привлекал эти человеческие сердца и звал их идти за Собой; Кто как не Он, воздвигнувший в Святой Церкви Своей апостолов и великих пастырей?!

Кто дает чудодейственную силу останкам св. угодников Божиих? Почему многие из этих останков сохраняются нетленными до наших дней? Что это, как не сила Божия? Кто это творит, как не Тот, Кто эту силу Свою раздает верующим в Него и этой силой совершает чудеса!

А кто нас с вами, дорогие, слабых и грешных, призывает в храм Божий для покаяния и исторгает из наших грешных сердец покаянные вздохи и слезы? Кто нас влечет сюда с бременем тяжким греховным, с горячим желанием это бремя тяжелое сложить у ног Христовых? Конечно, Тот, Кто сказал о Себе: «Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе». Всех Он зовет и влечет идти за Собой. И кто не закрывает своих ушей и дверей своего сердца, кто слышит этот голос Божий, тот идет за своим Господом, и исполняется на нем обещание Христово.

И если разум человеческий задумается над тем, почему Господь Иисус Христос не остался на земле ради верующих в Него, ради тех, кто терпит скорби и болезни, чтобы утешить этих скорбящих и страдающих на земле,— Господь Иисус Христос сказал бы то, что и ученикам Своим: «Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Иоан. 16, 7).

Как бы так говорит Он ученикам Своим: «Вы видели Меня — Сына Божия — и во Мне Бога Отца. Но есть третье Лицо Единой и нераздельной Пресвятой Троицы — Дух Святой Утешитель, Которого Я, уйдя с земли, пошлю вам от Отца».

Он сказал, и в пятидесятый день по Своем Воскресении, в десятый день по Своем Вознесении, ниспослал Святого Духа на учеников, а через них и на всех верующих в Него, входящих в ограду Святой Православной Христовой Церкви.

Вы знаете, мои дорогие, какие чудеса творит Дух Святой в сердцах людей!

Ведь многие из святых пришли к вершинам своей святости не от дней младенчества, а пройдя через путь греха и погрязая в этих грехах. Но, повинаясь голосу свыше идти к небу, оставили эти грехи и с помощью Духа Святого соделались чистыми, святыми и праведными. И в сердцах истинно верующих людей стали произрастать прекрасные, благоухающие духовным ароматом цветы и плоды Духа Святого, о которых говорит апостол Павел: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22—23).

Дух Святой является в то же время источником утешения для всех скорбящих и унывающих, молящихся Ему любимыми словами нашего верующего сердца: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины... прииди и вселися в ны...» И по молитвам верующих Дух Святой, ниспосланный нам для нашего научения и утешения, снисходит в сердца верующих людей и помогает нам переносить скорби, болезни, беды и украшаться небесной нетленной красотой.

Может быть кто-либо продолжит свои вопросы, обращенные к Господу: почему Он не остался с нами, чтобы продолжать научать нас, как надо жить. Господь Иисус Христос сказал ученикам Своим: «В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Иоан. 14, 2—3).

Для всех, кто верует в Господа, приготовлены места в Небесном Царстве Божиим от самой вечности. Но грехи ваши закрыли двери, ведущие в ваше небесное жилище. Я и иду открыть эти двери!

Там, у врат Своего Небесного Царства, Он будет ждать бессмертные души всех тех, кто шел, идет и пойдет за своим Господом на земном

своем пути. А для научения тому, как надо жить, как надо спастись для жизни вечной, Он оставил святое евангельское слово, этот неисчерпаемый благодатный кладезь воды живой!

Итак, дорогие мои, в свете Вознесения Христова для нас ясен наш земной путь и понятно нашему сердцу, почему Господь вознесся на небо в сороковой день по Своем Воскресении. Он сошел на землю нас ради человек и нашего ради спасения. Он вознесся на небеса ради нас. Он все делает для нашего блага. Он никому не хочет зла, Он хочет только одного добра. Он хочет проявить ко всем нам Свою Отческую любовь, и во имя этой любви к людям Он не перестает нас звать идти за Собой, продолжая благословлять и укреплять нас на каждом шагу нашей земной жизни.

А Его мы желаем для самих себя? Так много делает для нас Господь, а что мы делаем для себя, для вечного спасения души, вечного соединения с Господом своим? Господь говорит: «Стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним» (Откр. 3, 20). Слышим ли мы этот голос, которым Господь стучится в сердце каждого из нас? Вглядываемся ли мы в глубину нашего сердца, вслушиваемся ли в голос нашей совести, чтобы ощутить всю силу этого зова Христова?

Христос повелел в Своих храмах, в Церкви Своей держать всегда открытым судилище покаяния, чтобы каждый грешник, приходя сюда, раскаиваясь во грехах своих, получал здесь благодать покаяния. Здесь преломляется Тело Христово, здесь изливается Кровь Христова для вечного насыщения нашей души, голодающей и алчущей среди житейской суеты. Спешим ли мы питаться благодатью Божией и нетленной пищей?

Слово Божие нам говорит, что в Царство Небесное не войдут грязные, блудные, нераскаянные грешники. Войдут в него только те, кто будет иметь одежду, достойную вечного Царства, одежду, созданную из веры, молитвы, поста, милосердия, целомудрия, воздержания, кротости, снисходительности, всепрощения. И вот такую одежду из дел добрых готовим ли мы для своей души, чтобы войти в Царство Небесное Отца достойными вечной радости?

Ведь смерть стоит у некоторых из нас, может быть, уже за плечами, как говорят. И если не завтра, не через год, но непременно придет она.

Страшно уподобиться юродивым девам, у которых не оказалось в светильниках елея, когда пришел в полночь жених и закрыл двери. Они стучались и он сказал: «Не знаю вас». Сказал Господь Иисус Христос эту притчу, чтобы научить всех нас быть мудрыми девами, чтобы в светильниках душ наших всегда горел елей молитвы, добрых дел, чтобы смерть не застала нас так, как застигло этих юродивых дев пришествие в полночь жениха.

Святая Церковь в праздник Вознесения Христова в своих молитвах и песнопениях поднимает наш взор к небу, туда, куда вознесся Господь Иисус Христос с Елеонской горы.

Святая Церковь зовет нас всегда, а особенно в этот день, напоминать своему грешному сердцу, что там, куда взшел Господь Иисус Христос со Своей прославленной плотью,— наше вечное отечество.

Никогда этого, мои дорогие, не забывайте!

Митрополит Николай

МИР И ДРУЖБА МЕЖДУ НАРОДАМИ¹

I

Дорогие друзья!

Я, один из деятелей Русской Православной Церкви, приехал сюда, в мирную столицу Норвегии.

От лица миллионов православных христиан моей Родины горячо приветствую вас и в вашем лице весь миролюбивый норвежский народ самыми добрыми пожеланиями.

Православные русские люди просили меня передать христианскому народу Норвегии выражение глубокого сочувствия его мирным исканиям вместе с чувством надежды на то, что наше общее христианское миролюбие и наши общие усилия к достижению всеобщего мира будут содействовать и нашему взаимопониманию и дружбе между нашими народами.

II

Выступая перед вами, дорогие друзья, как служитель Русской Православной Церкви, я хотел бы, прежде всего, выразить христианское отношение к делу защиты мира и идее дружбы народов, во-вторых, дать соответствующую оценку современного положения вещей и, в-третьих, указать христианский путь, как я его понимаю, к решению главных проблем в области дела мира на земле. Мне кажется, что ответ на эти вопросы, продиктованный верой в силу христианской любви, еще более сблизит нас, помогая дорогому всем нам делу укрепления мира во всем мире.

Я имею в виду привлечь ваше внимание в первую очередь к христианской идеологии защиты мира и показать, как проявилась она в деятельности Русской Православной Церкви и других христианских церквей и какое влияние оказала на ход мировых событий. Этот вопрос имеет для нас, христиан всего мира, большое значение, поскольку в их позиции до сих пор наблюдалась некоторая двойственность.

В защите мира, завещанного человечеству Спасителем, для христиан на первом месте всегда и всюду должна стоять заповедь Спасителя «Блаженни миротворцы», то есть задание евангельского посева мира в тех условиях, какие даются Церкви Христовой историей развития человеческого рода. К проповеди любви и мира мы не можем примешивать мотивы земные, иначе тем самым мы будем изменять единству христианского идеала и нарушать единство своих стремлений.

Наши дни, как и всю историю человечества после пришествия Христа, нужно рассматривать как время, данное нам для проповеди мира,

¹ Доклад, сделанный в г. Осло (Норвегия) в «Доме общественности» 2 марта 1956 года.

для непрерывной борьбы за приобщение к любви Христовой каждой человеческой души. И как бы люди не восставали против заповеди Божией о любви, мы не должны соблазняться и становиться к ним нетерпимыми, теряя надежду. Нужно помнить, что когда пылкие и усердные не по разуму ученики Христовы Иаков и Иоанн, оскорбившись непочтением самарян к их Учителю, сказали: «Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?», — Иисус Христос запретил им и сказал: «Не знаете, какого вы духа, ибо Сын Человеческий пришел не губить души, а спасать».

Этот евангельский урок никогда не забывала Русская Православная Церковь, которая с самого начала, при первых же признаках военной угрозы, нависшей над человечеством, открыто встала в ряды защитников мира. Вскоре после окончания второй мировой войны, когда на политическом горизонте появились грозные очертания надвигающейся новой бури, еще более жестокой, чем та, от которой еще сочлились раны, наша Церковь призвала всех, кому дорог мир, поддержать стремление к объединению ради общей защиты мира. Определяя свою позицию в этом деле, она в Обращении к предстоятелям автокефальных православных церквей заявила устами своего Патриарха: «Это по преимуществу наше христианское дело: творить мир на земле. Отказаться от работы в пользу мира — это значит для нас отказаться от сыновней доли блаженного наследства в Царстве Божием. Пора нам всем вместе — христианам — сказать открыто и во всеуслышание, что международные вопросы никогда больше не следует решать уничтожением миллионов жизней. Мы должны добиться признания права на жизнь за каждым отдельным человеком и за каждым народом. Борьба за это право и есть борьба за мир и дружбу между народами, борьба, обязательная для нас, свойственная духу христианства».

Так, ограждая безопасность и жизнь человечества, Русская Православная Церковь определила свое отношение к делу защиты мира и стала пользоваться каждой возможностью, каждым поводом для того, чтобы выступить с протестом против подготовки новой войны и указать наиболее реальный путь к разрешению спорных вопросов. На протяжении ряда лет весь мир слышит голос нашей Церкви в защиту мира и в каждом ее слове, в каждом обращении и призыве находит и христианские мотивы этой защиты и христианскую оценку важнейших событий международной жизни.

Казалось бы, что Церковь не должна заниматься вопросами войны и мира, что эти вопросы составляют преимущественно область политики. Но если Церковь Христова простирает свои крылья на всю вселенную, то любая сторона жизни приобретает свой настоящий смысл только в свете христианской истины. Для церковного сознания война, например, является нарушением божественных законов, величайшим бедствием, организованным убийством. Вызываемая грехопадением человека, война зовет к вражде, попирающей любовь, осуществляет насилие, осуждаемое христианской свободой, снижает ценность человеческой личности, являющейся носителем образа Божия. Осуждая агрессивную войну, мы считаемся только с необходимостью войны защитительной, оборонной, но и тогда Церковь продолжает молиться об избавлении от войны. А война в наше время, при наличии атомного и всякого другого истребительного оружия, и с церковной и с общечеловеческой точек зрения уже не может быть ни спором, ни состязанием в силах, ни поединком, имеющим окончиться чьей-то победой, а только всеобщим истреблением.

Церковь живет и действует для спасения человека, для преображения мира. Она — проповедница любви и мира, заповеданных Спасителем, зачаток Царствия Божия на земле, спасительный корабль жизни, который плывет в океан вечности сквозь бури противоречий, смущающих течение истории. Сквозь неумолкающий шум человеческой борьбы,

сквозь стоны и дым пожаров войн не перестает звучать ее голос в умиротворение людей и народов, призывающий их к братской любви, миру и дружбе. Мы, христиане, не перестаем внимать словам Христа: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоан. 14, 27). А данный Христом мир есть прежде всего мир человека с Богом, воцаряющийся в душе. Отсюда он распространяется и на все христианское общество, выражаясь в духовном единстве и согласии его членов. Входя в состав всех народов, христиане не могут не излучать умиротворяющей силы на остальное человечество, тем самым укрепляя в нем добрую волю к всеобщему миру.

Такова христианская концепция мира, которую проповедует наша Церковь не только с амвона, но и с трибун многочисленных международных конгрессов и конференций. На одной из сессий Всемирного Совета Мира я сказал: «Мы, христиане, веруем, что дело войны и мира — в руках Божиих. Но пока войны нет, мир — в известном смысле — находится в наших, человеческих, руках. Это значит, что мы можем удержать, укрепить и продлить его в той мере, в какой послужим этому святому делу». И вот Русская Православная Церковь, вместе с другими христианскими церквями и объединениями, не перестает будить человеческую совесть, не перестает звать людей и народы к согласию, а их правительств — к мирному разрешению международных противоречий. Вместе со всеми простыми людьми всего мира она борется с угрозой новой войны.

Каким оружием действует Церковь в защиту мира? Мы уже сказали: это оружие — проповедь мира, любви к Богу и к ближнему. Объединяя людей усыновлением Богу, Церковь делает их братьями, а в состоянии братства, невозможного без любви, в христианах истребляются эгоизм и все его губительные для человека и общества разновидности: шовинизм, расизм, жажда господства над другими.

Призывая своих чад к непрестанной молитве о мире всего мира, наша Церковь воздвигает в его защиту и это другое могущественное духовное оружие. Его действие ясно видно в свободном объединении верующих людей, стоящих ли в храме или молящихся в своих жилищах, но постоянно пребывающих в одном духе, в одном прощении, в одной надежде. Уже одно это духовное единение составляет мощный источник нравственных сил, столь нужных человечеству в настоящее напряженное время.

Голос Церкви, зовущий всех христиан к миру и братству, — это труба Архангела, напоминающая о спасительном единстве стада Христова. Церковь знает, что соединение всех — «да вси едино будут» — осуществляется постепенно, в поступательном движении истории, которая, будучи Божиим Домостроительством спасения людей, включает в себя как желание их спастись, так и свободную их самостоятельность, осуществляемую даже вне Церкви. Поэтому она не только борется со злом в душах людей, но откликается на все нравственно положительные движения в человеческом обществе и много делает для того, чтобы предупредить акты зла, пока они находятся еще только в намерении, в замысле. Вот почему искание людьми мира, борьба народов за мир и дружбу являются для Церкви не средством политической пропаганды, а проявлением нравственного смысла жизни.

Во имя этого смысла, раскрываемого Евангелием, Церковь и призывает христиан к единству в защите международного мира. Этот мир она уподобляет тихой погоде, благоприятной для евангельского посева, для произрастания семян новой жизни. При таком уподоблении общечеловеческая жажда мира воспринимается как тоска по истинному бытию, как порыв к исправлению поврежденного грехом существования, а христианство становится в глазах тоскующего о мире человечества религией жизни и спасения. Пусть Царство Христово, зачинаемое в

Церкви, «не от мира сего», но Церковь всегда обращена лицом к этому миру ради его спасения. Для Церкви мир есть состояние духа, благоприятное для проявления созидательной любви, и лучшее время для приобретения людей Царству Божию.

Утверждая мир, как высший смысл человеческого общежития, Церковь знает, что люди постоянно стремятся его нарушить. Поэтому она стремится утвердить и продлить его своей благодатной работой, веруя, что над миром противоборства, вражды, раздора, над печальной действительностью войны стоит иной мир, мир зиждительно организующей любви и всем управляющего Разума. И в силу этой веры Церковь Христова призывает всех христиан смело и мужественно противопоставить смертоносной раздельности и вражде — живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания.

Участвуя во всемирном движении сторонников мира, наша Церковь руководится чисто христианскими мотивами. В своих выступлениях она уже не раз подчеркивала, что это движение возникло из великих человеческих страданий в минувшую мировую войну и от естественного опасения подвергнуться им снова. Проникая в сущность всеобщего движения за мир, религиозное сознание видит, что люди доброй воли сошлись между собою на внутреннем убеждении в полной возможности разрешать всякую противоположность желаний в духе высшей справедливости и дружбы, не прибегая к взаимному истреблению. Если для позитивного разума движение сторонников мира означает «уверенность трудящихся в их способности владеть своими историческими судьбами», то верующий разум видит в нем торжество нравственного начала, развитию которого Церковь и служит своим участием в борьбе за мир.

Отношение Церкви к политическим течениям и влияниям современности также не выходит за пределы христианской идеологии. Нашим церковным деятелям не раз приходилось подчеркивать в своих выступлениях, что борьба за мир есть выражение спасительной миссии нашей Церкви в «мире сем» и знамение ее духовной свободы, которую не может связать никакая политика. Область последней, разумеется, не свойственна духу и служению Церкви, зато Церковь близка к человеческим скорбям и тревогам, она видит человеческие побуждения, какими направляется та или иная политика, и потому способна судить о ее вреде или пользе для народов. Что касается защиты мира, то эта задача решается не политическими методами, а нравственными, и потому нет никаких оснований говорить о подчиняемости Церкви каким-либо политическим влияниям.

При раскрытии христианской идеологии защиты мира нельзя пройти мимо суждений нашей Церкви о различных событиях и проблемах международной жизни нашего времени. Проблему атомного оружия, например, она решает религиозно, сообразуясь с нравственной ответственностью за ту трагедию, которая постигла жителей Хиросимы и Нагасаки. В моей речи на Всемирной Ассамблеи Мира в Хельсинки нравственный смысл атомной проблемы раскрывается следующим образом: «В действительности атомное оружие является порождением человеческой гордости и замысла порабощения народов, оно есть вещественный эквивалент отрицания такого порядка жизни, когда сильный помогает слабому, жертвуя своей силой, богатый свободно делится своим достатком с неимущим во имя его достоинства, а здоровый самоотверженно служит больному. Иначе говоря, атомное и подобное ему оружие можно смело квалифицировать как средство разрушения нравственного строя жизни».

В своем суждении о непрерывных военных приготовлениях наша Церковь считает невозможным изменить такое положение одним осуществлением войны. «Надо победить соблазны войны, — было сказано мною

на одной из конференций,— в глубине духа, где возникают нравственные стимулы действий и поступков. Нужно навсегда исключить войну из средств борьбы с иномыслием. Нельзя исказить детски простое, понятное всем и ясное, как кристалл, учение Христово, в силу которого не может быть христианской агрессивной войны, немисливо христианское убийство и невозможно насилие во имя якобы сохранения христианской цивилизации».

Наша Церковь, разумеется, отдает себе ясный отчет в том, что современные народы хотят иметь мир при различии мировоззрений и политических взглядов в надежде на то, что ни одна система убеждений не будет доказывать свою правоту насилием. Защищая мир, Церковь стремится очищать его от недоверия и неискренности, возвышать его взаимопониманием и дружбой между народами, согревать внутренним христианским настроением. И потому она говорит моими устами: «Мы, христиане,— дети свободы и потому не можем проповедывать мир, диктуемый волей завоевателя, ибо такой мир означает рабство физическое и рабство духовное. Мы не видим достойного нас мира и в «равновесии сил», которое постоянно нарушается жадной преобладания и вызывает гонку вооружений, истощающую народы. В сознании своего нравственного достоинства мы должны улучшать, совершенствовать международный мир, поднимать его на более высокую ступень. Поэтому мы хотим мира, основанного на дружбе народов, на взаимном уважении свободы друг друга, на признании национального суверенитета». Теперь появилась еще одна разновидность международного «мира», которую можно назвать «сдерживанием войны» при помощи атомного оружия. Но такой «мир», по христианскому убеждению, может быть только «преддверием войны» и таит в себе жало смерти.

Такова в самых общих чертах христианская идеология, воодушевляющая деятельность Русской Православной Церкви и других христианских церквей в борьбе за международный мир. Евангелие, как источник этой идеологии, учит, что злые и добрые помышления исходят из сердца. Именно из этого источника вытекает вся система христианских идей, питающих нашу деятельность в защиту мира и идеи дружбы между народами.

Если же говорить о месте и значении христианства в современном мире, то его нужно назвать религиозной совестью человечества, одобряющей общечеловеческие стремления к миру, справедливости и свободе, как и надежду многих людей на создание общества, свободного от войн, кризисов и нищеты. Эта созвучность общечеловеческих идей с христианскими не представляет загадки, так как «всякая человеческая душа — христианка», — как сказал Тертуллиан.

Но, кроме христианского универсализма, сила и значение нашей религии в современном мире подтверждаются жизненностью ее идей, оказавших за двадцать столетий неизгладимое влияние на законы и учреждения народов, на их умственное и нравственное воспитание. И каково бы ни было отношение к христианству в наше время, его друзья и противники, не говоря уже о христианах, обязаны ему лучшими своими идеями и побуждениями.

Такова наша христианская вера, освящающая наше служение Богу и ближним. Смысл этого служения в том, чтобы помогать духовному возрождению человечества, просветлять его сознание проповедью любви и мира, бороться вместе с ним за справедливое устройство жизни. Защищая мир, мы, христиане, должны ставить заветы Евангелия выше каких бы то ни было политических и экономических систем в намерении продолжать дело Христово среди мирных народов.

Теперь на основании всего сказанного о христианской позиции нашей Церкви в защите мира я должен добавить, что если в этой позиции нет никаких следов политического влияния или давления, зато есть многое,

что заимствовано у Церкви многими политическими доктринами и программами. Читая в них о братстве, равенстве и свободе, о правах человека и равноправии наций, о свободе религий и слова, о сотрудничестве и взаимном уважении народов, о праве на труд, отдых и образование, мы уже знаем источник этих возвышенных заданий: Евангелие, открывшее человечеству Бога любви и Отца всех людей, положило начало истинному братству среди людей, ослабило международные границы, освободило рабов, возвысило личность человека, научило уважать в каждом человеке нравственное его достоинство независимо от расы, национальности и религиозных убеждений; только христианская религия впервые осудила войну.

Отдадим свои силы на борьбу с войной, на борьбу в защиту мира, дорогие друзья!

III

Теперь от христианской идеологии защиты мира благовременно перейти к христианской оценке современного положения вещей. При этом я буду говорить о том, что, по апостолу Павлу, «служит миру», то есть о положительных возможностях достижения мира, в полном убеждении, что в отношениях между людьми и народами более полезно сосредоточивать внимание на общих для всех людей свойствах и стремлениях, чем на различиях и расхождениях, углубляющих споры. В этом смысле успехи всеобщего движения в защиту мира должны явиться предметом особого внимания всех, кто страшится бедствий новой войны, и особенно христиан, вся жизнь которых должна быть поприщем любви и мира.

Мне кажется, что все люди, внимательно следившие за мировыми событиями последних лет, согласны между собою в том, что международная жизнь все более обогащается такими фактами, которые свидетельствуют о действенности общих усилий в пользу укрепления дружбы и взаимопонимания между народами. Здесь нужно иметь в виду рост всемирной солидарности в защиту мира.

Одним из ярких симптомов тяготения народов к миру и дружбе явились, например, многочисленные факты их общения на всемирных конгрессах и ассамблеях в защиту мира, на международных съездах ученых разных специальностей, на спортивных соревнованиях разных стран. Важнейшим фактором взаимопонимания Востока и Запада нужно считать обмен делегациями, поездки туристов, ознакомление друг друга с достижениями науки, искусства, промышленности. В ряду этих фактов особый смысл приобретает все более расширяющееся общение христиан Востока и Запада.

Для нас, христиан, успехи умиротворения человечества определяются прежде всего его духовным состоянием. Если люди хотят изменить жизнь к лучшему, они должны духовно возрождаться, то есть отсекают злую развращенную волю, подчинив весь строй личной и общественной жизни святейшей воле высшего Разума и высшей Любви, воле Отца Небесного. А это возрождение составляет задачу христианства, задачу Церкви: следовательно, умиротворение человечества должно осуществляться наряду с духовным самоусовершенствованием и укреплением христианского единства.

С этой точки зрения участие христиан в защите мира представляется чрезвычайно осмысленным и значительным. По духу нашей религии оно должно быть постоянной борьбой с насилием, неправдой, эгоизмом, властолюбием и вообще с господством низменных инстинктов. Христиане так и действуют, хотя относительно защиты мира некоторые из них продолжают до сих пор оставаться как бы в стороне. Но среди них нет

и не может быть людей, сознательно желающих развязать войну, и потому христианское движение в защиту мира быстро растет, оказывая благотворное влияние на развитие международной жизни.

Говоря о росте христианского движения в защиту мира, нельзя пройти мимо нашего общего убеждения в том, что человек может употребить во зло свою власть над атомными силами природы и обрушить на мир ужасные катастрофы.

Сознание этой возможности снова ставит христиан перед грозным вопросом об ответственности за грех своего разделения, и мы видим, что нам все труднее оставаться в отчуждении друг от друга. Поэтому в Экуменическом движении заметно усилились тенденции к церковному единению, то есть к единству веры и жизни.

В то же время опыт взаимного общения христиан Востока и Запада показывает, что на этом пути мы постепенно освобождаемся от политических предубеждений и начинаем сознавать общую ответственность перед Богом за расстройство мира. Все это, вместе с ощущением последней грани, за которой нас ждет либо всеобщее умиротворение, либо катастрофа, и стимулирует христианскую солидарность в защите мира.

Я уверен, что в общих трудах, направленных к достижению этой великой цели, нам легче всего воплотить наше христианское *credo* и придти к единомыслию. И если Всемирный Совет Церквей, следуя заветам нашего Господа, будет способствовать единению христиан в этом великом деле, то он поступит весьма целесообразно, ибо только повседневным внедрением христианского духа в человеческие отношения — личные, семейные, общественные, международные — мы, христиане, можем достичь взаимопонимания и утвердить силу христианства в мире.

В связи с этим вопросом необходимо вспомнить и пасхальную проповедь Римского Папы Пия XII в 1954 году, когда он сказал: «Мы спрашиваем: как долго будут отворачиваться люди от сияющей благодати Воскресения и долго ли они будут ждать безопасности от смертоносного света нового оружия? До каких пор они будут противопоставлять свои планы ненависти и смерти закону любви и обетованию жизни, данному нашим Спасителем?»

На эти вопросы до сих пор не слышно того ответа, который успокоил бы человечество. Но Господь, исправляя наши пути, продлевает время Своего терпения, дабы люди прозрели и спасались. Поэтому надо усилить бдительность и не упускать времени, данного для проповеди евангельской любви, ибо мощный плуг борьбы за мир, врезающийся глубоко в почву, взрывает поле, которое ждет посева. Уже первые семена брошены заботливыми руками нескольких христианских церквей, и силы мира растут. К ним присоединяется и обширная пажи́ть Римской Церкви, объединяющая многие миллионы христиан, жаждущих мира и молящихся о нем. Об этом свидетельствует и нынешнее Рождественское послание Римского Первосвященника, осудившего атомное оружие.

В августе 1954 года Эванстонская ассамблея Всемирного Совета Церквей, объединяющая почти весь протестантский мир, выступила с Обращением, в котором заявила: «Мы считаем, что есть два условия первостепенной важности, которые должны быть выполнены, если люди хотят избежать катастрофы: 1) Запрещение всякого оружия массового уничтожения, в том числе атомной и водородной бомбы, с установлением международной инспекции и контроля для безопасности всех народов; кроме того должно быть проведено сокращение всех других видов вооружения. 2) Твердая уверенность в том, что ни одна сторона не будет ни проводить, ни поддерживать агрессивные или разрушительные действия в других странах. Мы верим, что здоровый международный порядок возможен лишь тогда, когда будут обеспечены мир, справедливость, свобода и правда».

Таковы свидетельства роста христианского движения в защиту мира.

Итак, христиане всех церквей постепенно объединяются, силы мира возрастают, народы требуют запрещения атомного оружия и прекращения его испытаний. Международное положение таково, что борьба за мир становится главным делом каждого человека, каждого народа, всего человечества. С этой целью люди разных наций, положений и убеждений общаются между собою, ищут единства и взаимопонимания, стремятся к дружбе и сотрудничеству.

Но международная атмосфера временами становится душной от горького дыма взаимного недоверия; оно препятствует народам строить свое благополучие в духе взаимопонимания, дружбы и сотрудничества. Снова тревожные вопросы занимают умы и повестки дня многочисленных собраний и конференций сторонников мира. Какие же вопросы определяют сейчас судьбы мира?

Первый из них — самый старый и самый трудный — это гонка вооружений, которая держит в постоянном напряжении почти все государства мира. Сущность такого соревнования ясна: каждая страна усиленно вооружается для того, чтобы стать сильнее своего соседа, а некоторые страны делают то же самое в намерении быть сильнее всех других стран, вместе взятых.

Стремясь превзойти и обогнать друг друга в вооружениях, некоторые государства тратят на них огромную долю своих бюджетов, по которым можно судить, как должны отражаться военные расходы на благосостоянии народов.

Не говоря уже о том, что вооружения поглощают огромные материальные и духовные силы народов, человечество впадает в другую крайность: оно не может пользоваться всеми победами человеческого ума над природой, так как все богатства и приобретения бесследно тратятся на содержание и вооружение огромных армий. Под игом нескончаемых вооружений может глхнуть и культурное развитие народов. И тем не менее гонка вооружений продолжается в темпах, соответствующих современному научно-техническому прогрессу.

Что касается причины этого соревнования, то она ни в ком не вызывает сомнений. Если мы не находим ее в намерении какого-нибудь правительства покорить весь мир, то знаем, что каждая сторона вооружается потому, что не доверяет другой, то есть подозревает ее в агрессивных намерениях. Отсюда недоверие становится главной причиной гонки вооружений.

Дорогие друзья! Положим свои труды на то, чтобы всеми доступными для нас путями содействовать остановке гонки вооружений!

С проблемой прекращения этого пагубного для народов соревнования неразрывно связана и проблема атомного оружия. Для христиан она по преимуществу — нравственная проблема. Наша Церковь давно осудила применение этого страшного оружия и вместе со всеми народами требует его запрещения. Атомное оружие было осуждено и всеми поместными православными церквями.

То же самое сделал Глава Римско-Католической Церкви Папа Пий XII, который в своем Рождественском послании 1955 года не только осудил атомное оружие, но и высказался за прекращение его испытаний.

Недавно епископ Чичестерский д-р Джордж Белл обратился через газету «Таймс» к президенту США Эйзенхауэру и премьер-министру Англии Идену с призывом отказаться от использования водородной бомбы, которая, как заявил д-р Белл, не может быть морально оправдана.

Не так давно ряд протестантских священников в США заявил: «Что

нам сейчас нужно, так это решительная борьба за мир. Во всем мире растет волна общественного мнения, высказывающегося за то, чтобы положить конец сползанию к атомной войне. Это может быть сделано только путем терпеливых переговоров».

Значение христианской позиции в этом вопросе, разумеется, не исчерпывается ее совпадением с общечеловеческой позицией. Вполне естественно, что христиане, как и все люди, опасаются за жизнь и благополучие человечества; им, как и всем людям, свойственно чувство страха перед бедствиями атомной войны. Но для христианского сознания атомная бомба есть нечто большее, чем оружие смерти и разрушения.

Допуская возможность утраты человеческого контроля над атомными силами природы, мы опасаемся, что они могут быть развязаны и злой волей, и страхом, и безумием. Это опасение вполне основательно, ибо оно вытекает из глубокого знания поврежденной грехом природы человека.

Этих оснований вполне достаточно, чтобы допустить возможность злоупотребления этой властью над атомом под влиянием ненависти или страха. Поэтому угроза атомной войны воспринимается христианами как еще один призыв к единению друг с другом, дабы наше единство могло заполнить пропасть недоверия, разделяющую мир.

Борьба против ужаса атомной войны пусть будет священной для каждого из нас, дорогие друзья!

Отвергая самую мысль о насилии в области убеждений, я сознательно ставлю проблему атомного оружия рядом с проблемой христианского единства. Ставлю в убеждении, что это единство способно сблизить народы и внушить им то спасительное доверие, которое так необходимо для запрещения атомного оружия. В этом отношении можно и необходимо действовать на правительства силой общественного мнения. Но христиане располагают еще более мощным средством воздействия — это наша общехристианская вера в Бога, которая объединяет их в союз любви и обязывает видеть образ Божий в каждом человеке, каких бы убеждений он ни придерживался. И если христиане действительно объединятся в любви и вере, то это будет могучим стимулом для укрепления уз доверия. Именно так с христианской точки зрения и решается вопрос о доверии между народами и правительствами.

Таким образом, доверие между людьми и народами составляет главную проблему нашего времени и ее решение является ключом к решению других двух проблем: запрещения атомного оружия и прекращения гоним вооружений.

Означая уверенность в лучших намерениях ближнего, доверие укрепляет любое человеческое содружество и общежитие. Если без доверия немыслимы жизнь семьи и совместная работа в любой области, то тем более оно необходимо в международных отношениях.

Конечно, доверие уменьшается там, где имеет место расхождение во взглядах и убеждениях. Но разве уничтожение людей входит в основы какого-либо из спорящих ныне мировоззрений? Я уверен, — и все мы это знаем, — что всех людей нашего времени, какой бы идеологии они ни придерживались, объединяет одно общее стремление избежать войны. И этой общности вполне достаточно для того, чтобы пойти навстречу друг другу при обсуждении международных разногласий.

Словом, доверие есть лучший зодчий мира между народами, и потому все, кто хочет мира, должны сблизиться между собою. Цель этого сближения: проникнуться взаимным вниманием, делиться откровенными мыслями и взглядами и, главное, убедиться в добрых намерениях друг друга.

Обращаясь к христианам, я говорю: покажем людям пример единомыслия в христианском решении вопросов войны и мира! Не устанем общаться между собою в духе любви, и тогда лучи доверия протянутся от народа к народу!

Скажем все друг другу так: все мы хотим мира и потому у нас нет оснований держать друг против друга поднятые мечи. Уничтожим их, чтобы соединить наши свободные руки в непрерывную цепь взаимного доверия!

Отдадим свои силы для этих высоких, благородных задач!

Дорогие братья-христиане Норвегии, будем едины с вами в защите мира, в содействии дружбе между нашими народами!

Дорогие друзья мира, дорогие братья — без различия религиозных и политических убеждений! Все как один, объявим смерть войне!

За мир!

За дружбу!

За счастье народов!

Митрополит Николай

НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА В СТОКГОЛЬМЕ

(5—9 апреля 1956 года)

Председатель Всемирного Совета Мира проф. Фр. Жюлио-Кюри в своем письме от 20 января 1956 года, адресованном членам Совета, писал: «Теперь все яснее и яснее видно, что соглашение о разоружении с эффективными мерами, хотя и ограниченными, по сокращению вооружения, явилось бы самой конкретной гарантией мира». Он предложил Чрезвычайную сессию Совета посвятить проблеме разоружения.

Сессия и собралась для обсуждения самого животрепещущего вопроса нашего времени — о разоружении и запрещении атомного оружия.

Мы, делегаты Советского Союза, как и представители многих стран, прибыли в Стокгольм, столицу Швеции, 3 апреля. Я здесь в четвертый раз.

С приветливостью и с цветами в руках встречают приезжающих шведские сторонники мира. На улицах обширного, красивого, оживленного города развешены большие плакаты с летящим голубем мира.

Делегаты размещаются по гостиницам. Мы встречаем знакомые лица. Но много здесь и новых людей. Из 500 с лишком участников сессии — множество приглашенных; из них свыше 200 впервые участвуют в заседании Всемирного Совета Мира. В Стокгольм прибыли выдающиеся представители народов — политические, общественные, религиозные деятели, ученые, писатели, юристы, представители международных организаций. Все они объединены общим стремлением, общей борьбой за разрешение насущных проблем современности, собравших всех нас сюда. Ведь сотни миллионов людей во всем мире, объединенных в многочисленные организации и необъединенных простых людей хотят и требуют отстоять мир, добиться того, чтобы богатства человечества использовались для улучшения жизни, а не для подготовки убийств. Должен быть услышан голос народов!

Заседания начались с утра 5 апреля и продолжались до глубокой ночи под 10 апреля. Шведские борцы за мир хорошо подготовились к встрече гостей. Для работы сессии предоставлено одно из больших зданий столицы — Винтерпалатцет, и большой круглый его зал был нарядно украшен.

НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА В СТОКГОЛЬМЕ

Наш председатель проф. Жолио-Кюри не мог присутствовать на сессии: он только недавно хоронил свою супругу и соратницу по борьбе за мир Ирэн Жолио-Кюри. Сессию открывал и был избран ее председателем д-р Китчлу (Индия), вице-председатель Всемирного Совета Мира.

Общая оживленная дискуссия на пленарных заседаниях продолжалась три дня, остальное время происходила работа в комиссиях.

Участники сессии излагали с трибуны точку зрения пославших их народов, вносили новые конкретные предложения. Выступало много ораторов.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ И ГЛАВА КИТАЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ЧЭНЬ ШУ-ТУН

Делегат Всекитайского собрания народных представителей 80-летний Чэнь Шу-тун привел в своем горячем выступлении мудрую китайскую пословицу. В переводе она звучит так: «Война подобна огню: не погасишь во-время, сожжет и поджигателя».

В ходе работ сессии были организованы четыре комиссии: политическая; по экономическим, социальным и культурным вопросам; по вопросам атомной энергии и по организационным вопросам и формам деятельности Всемирного Совета Мира.

На пленарных заседаниях из числа делегатов от Советского Союза выступали: А. Корнейчук, Илья Эренбург, я и муфтий Бабаханов.

Мое выступление состоялось утром 9 апреля, когда председателем заседания был Жозе де Фрота Морейра (Бразилия). Мою речь (я говорил с религиозных и гуманитарных позиций по вопросу повестки дня)¹ очень тепло встретили участники сессии, шумными аплодисментами и рукопожатиями выражая солидарность с моими мыслями и свои чувства.

¹ Речь напечатана в предшествующем номере нашего Журнала.

Я участвовал в четвертой комиссии по вопросам организации и деятельности Всемирного Совета Мира. 8 апреля я выступал здесь с речью на тему об объединении всех верующих в деле защиты мира. Речь записывалась на магнитофон, и делегаты-католики из стран Латинской Америки текст моей речи передали по радио в свои страны.

Я составил «Обращение к верующим всех религий» (против гонки вооружений, атомного оружия и за объединение всех религиозных сил) и предложил подписать его всем религиозным деятелям — участникам сессии. Все без исключения деятели церквей и религиозных организаций дали свои подписи и Обращение было оглашено с трибуны на пленар-

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ С ЧЛЕНАМИ ЯПОНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ном заседании. Участники сессии горячо одобрили это послание, призывающее, в частности, религиозных деятелей разных стран содействовать установлению доверия и взаимопонимания в международных отношениях².

В дни сессии я написал статьи в норвежский журнал «Христианская молодежь», шведский журнал «Жить в мире», давал интервью американскому корреспонденту «Ассошиэйтед Пресс», представителю английского агентства Рейтер, шведским журналистам.

Православные представители Греции просили меня написать статью о жизни и деятельности Русской Православной Церкви, а также послание к Кипрской Церкви с сочувствием по поводу происходящих в ней событий. Я это сделал.

Я вел беседы с многими религиозными деятелями разных стран. Мне было отраднo за Русскую Православную Церковь слышать о том, как тепло пишут обо мне и моих выступлениях в Норвегии, в Западной Германии, в Ирландии, в Англии, в Швеции, в Дании, в Австрии, во Франции и других странах.

² Текст Обращения напечатан в предшествующем номере нашего Журнала.

Как всегда, со мной желали поговорить о нашей жизни и нашей Церкви десятки делегатов.

Я получил приглашения в Японию (со стороны председательницы женского объединения «За мир и свободу» г-жи Нономия), в Австралию (от вице-председателя Всеавстралийского Совета Мира пастора Хартли), в Швецию (от настоятеля старейшего лютеранского собора пастора Оскара Рундбломе). «Главная медицинская сестра» г. Берлина, в ведении которой состоит несколько сот медицинских сестер, г-жа Шиттер пригласила меня в Берлин благословить ее семью и осмотреть ее больничные заведения.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ БЕСЕДУЕТ С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ СУДАНА
СИССОКО БАЛЛА

За дни сессии я приобрел ряд новых друзей, с которыми мы вели теплые беседы и обменивались карточками, брошюрами, фотографиями. Это — Ганс Хакк (Западная Германия), Киочи Ишикава (Япония), пастор Боск (Франция), Фан Ван Чуонг (Демократическая Республика Вьетнам), Сиссоко Балла (Судан), Салех Акиль (Сирия), Абдель Кадер Салех (Иордания), Чэнь Шу-тун (Китай), Марианна Пеш (Западная Германия) и другие.

Вся сессия проходила в атмосфере напряженной плодотворной работы. В результате этой работы — шесть документов, принятых участниками сессии на заключительном заседании: Призыв к мировому общественному мнению, Телеграмма Подкомитету Комиссии ООН по разоружению, Декларация, Декларация по экономическим, социальным и культурным вопросам, Декларация по вопросам атомной энергии и Рекомендации национальным движениям сторонников мира. Эти документы уже опубликованы в нашем Журнале.

«Призыв» — важный документ, который, несомненно, мобилизует народы мира на дальнейшую борьбу за разоружение и намечает широкую

программу усиления трудов за безопасность народов и международное сотрудничество.

Не менее важное значение имеет «Декларация», в которой Всемирный Совет Мира разъясняет, что ослабление международной напряженности делает возможным установление связи между различными политическими партиями, профессиональными, культурными, религиозными и другими организациями, выступающими за разоружение и мирное сотрудничество.

На заключительном заседании был утвержден список новых членов Всемирного Совета Мира.

Стокгольмская Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира проделала огромную работу, ее решения будут способствовать дальнейшему развертыванию борьбы народов за всеобщий мир и росту взаимопонимания между народами. Сессия выразила единую волю миролюбивых народов. Снова и снова из Стокгольма прозвучал на весь мир волнующий призыв представителей народов за мир, за дружбу, за счастье народов.

Закрывая сессию, председательствующий Эмилио Гарсиа Итурраспе (Аргентина) подчеркнул, что в последнее время происходило укрепление духа сотрудничества между всеми миролюбивыми народами и сближение их точек зрения. Нужно теперь находить пути, сказал он, для дальнейшего расширения этого сотрудничества, для укрепления связей с другими движениями в защиту мира, с пацифистскими организациями, профсоюзами, церквями и всеми моральными силами, представляющими самые различные течения. Мы убеждены, что в тесном сотрудничестве с другими миролюбивыми силами, не входящими в наше движение, мы добьемся своей цели.

Эмилио Гарсиа Итурраспе справедливо сказал, что нынешняя Стокгольмская сессия является новым этапом в движении за мир. Добиться единства действий всех миролюбивых сил — важнейшая задача движения сторонников мира в наши дни.

Нет сомнения, что эта позиция объединения всех сил, жаждущих мира, встретит поддержку в широчайших кругах мировой общественности.

Русская Православная Церковь с чувством глубокого удовлетворения внесла в работы Стокгольмской сессии свой вклад. Она непоколебимо верит, что силы мира победят.

Митрополит Николай

К ЦВЕТУЩЕМУ ДРЕВУ ЖИЗНИ

Обращаясь с речью к участникам Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме 9 апреля 1956 года, представитель Русской Православной Церкви Митрополит Николай прежде всего остановился на тяжелой трагедии современного человечества, изнывающего под бременем отталкивающе непонятной для него гонки вооружений и стоящего перед чудовищной опасностью атомного самоистребления. Указав на это всечеловеческое горе, он отметил, что участники данного высокопредставительного собрания встретились, чтобы «соединить свою волю с общим стремлением народов жить в мире и согласии друг с другом», чтобы каждый из встретившихся сказал свое слово о мире. Сказать такое слово — «значит присоединить свой кирпич, свой камень к общему запасу материалов, необходимых для постройки здания международного мира». Передав собравшимся «горячее приветствие миллионов православных христиан» советской страны, Митрополит Николай завершил начальную часть своего обращения призывом: «Да будут благословенны от Бога наши труды и да исполнятся наши сердца миром и мужеством!».

Затем он вновь обратился к вопросу о возведении «здания международного мира», которое должно быть «не только величественным, но и долговечным».

*
* *

По очень образному выражению Митрополита Николая, для постройки такого здания недостаточно кирпича, чтобы сложить его стены, и кровельного материала, чтобы завершить его. Здесь нужен прежде всего прочный фундамент, стоящий на твердой, надежной, незыблемой почве, — именно на такой, о которой евангельский текст гласит: «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне» (Мф. 7, 25). Продолжая с той же яркой образностью свою мысль, Митрополит Николай говорит, что для закладки потребного фундамента слишком ненадежна почва, сотрясаемая опытными взрывами атомных бомб, колеблемая поступью миллионных армий, иссеченная рвами отчуждения, ослабленная болотами недоверия и подозрительности. Как же приступить к дренажным работам, как довести глинистую почву до нужной твердости?

Восстановление доверия между людьми и народами — вот основа основ нашего сегодняшнего дня, вот стержень, вокруг которого вращаются важнейшие события нашей действительности, вот лейтмотив, звучащий в выступлениях большинства виднейших государственных деятелей всего мира, вне зависимости от степени их искренности. Эта краткая формула — первое знамение нашего времени.

«Глас народа — глас Божий», — эта мудрая пословица нашего народа еще никогда столь ярко не отражала действительность, как ныне. «Голос народов должен сделать свое великое дело в укреплении доверия; голос народов, не желающих войны», — говорит Митрополит Николай. В наше, самое ответственное за всю человеческую историю, время, как никогда раньше, правители должны быть достойными своих народов. В наше опасное время, как никогда раньше, должна быть неусыпной и напряженной бдительность народов, чтобы их правители строго выполняли их волю, чтобы заключаемые и предстоящие договоры и соглашения о мире не оставались просто документами, которые, как это уже не раз бывало в прошлом, по воле злых сил становились «клочками бумаги».

Миллионы людей пришли в благотворное движение самозащиты и миллионы пребывают еще как бы в состоянии анабиоза. Долг сведущих, долг просвещенных, долг борцов за мир — вывести их из этого полумертвенного состояния, дабы огромные потенциальные силы их не были обращены во зло, дабы по неведению своему не стали они жертвами чудовищной катастрофы. Нужно уничтожать самый корень зла, тающийся в искусственно раздуваемом недоверии, нужно вести неустанную работу, чтобы внимание людей устремлялось не на частное, а на общее, не на то, что разделяет, а на то, что связывает, что принадлежит всем, ибо нет разделений горших и безнадежнейших, чем смерть, тень которой нависла над миром.

*
* *

Есть в этой последней всенародной речи Митрополита Николая одно удивительное определение. Новую формулировку атомной проблемы он называет «открытием». Да, в наше небывающее по насыщенности время, когда перед лицом событий оскудевают привычные понятия и бледнеет, тускнеет язык, это — подлинное открытие, как в арсенале слов была открытием и принадлежащая Митрополиту Николаю, облетевшая весь мир, фраза: «Ныне наука о мире есть наука всех наук».

Новый аспект атомной проблемы, по определению Митрополита Николая, есть аспект нравственный. В самом деле, чудовищная по своей мощи новая энергия еще слепа, не обуздана. Она несет в себе начала и благотворные, и пагубные, причем и в том и в другом плане она настолько несоизмерима со всем тем, чем доселе обладало человечество, что единственная оценка пробужденной стихии может производиться с позиций именно только нравственных. И с этих позиций заключающиеся в новой силе злые начала должны быть решительно отвергнуты и нейтрализованы, потому что нельзя сказать, насколько оружие уничтожения, построенное на атомной энергии, было бы более разрушительным и смертоносным, чем все, что было в этой области раньше.

С другой стороны, огромные, титанические силы природы готовы стать на службу человеку и в кратчайший срок принести ему невиданный материальный расцвет. Но для того, чтобы эти благодетельные силы пришли в движение, нужна слитная воля всех людей, совершенное их согласие. Если человек упорной и тщательной, на протяжении долгих десятилетий, работой раскрыл секреты природы и вызвал к жизни новые силы, то в его возможностях, конечно, и дать благотворное направление этим силам. Но могут найтись люди, по словам Митрополита Николая, «способные употребить во зло свою власть над этими силами и обрушить на мир ужасные катастрофы». Действительность такой угрозы все сильнее охватывает человеческие массы, и «можно думать, что сознание этой опасности послужит толчком к нравственному оздоровлению некоторых государственных людей и заставит их возобновить переговоры о запрещении атомного оружия и о разоружении», — говорит Митрополит Николай и, касаясь в другом месте того же морального аспекта атомной проблемы, подчеркивает: «Для того, чтобы человек, открывающий все новые и новые силы природы, мог ими владеть и управлять, ему необходима нравственная устойчивость и разумение вещей, согласное с Божественной волей о мире и человеке...»

*
* *

Отдавая должное всем религиям мира, в своих выступлениях не раз отмечавший благородную деятельность в пользу мира и тех, кто ни к какой религии не принадлежит, Митрополит Николай указывает на тот спасительный свет, который изливает на мир и людей Христианство, о котором он говорит: «На протяжении двадцати столетий эта вера сокрушает законы человеконенавистничества, смягчает нравы и призывает к жизни, свободной от власти зла и смерти, объединяет людей чувством любви и сознанием братства».

Не должны ли чувства братства и духовного родства людей являться лучшим союзником в современном строительстве международного мира? — Конечно. Любовь к миру не может быть отвлеченной. Она благодетельна и плодотворна именно потому, что она живая, действенная, беспокойная, что она вонзается в самый поток жизни, она ищет лучших путей жизни, она требует отдачи сил и сердца человека на благо его ближнего и призывает не только к исправлению неправедных, но и к личным жертвам. С прекрасной точностью выражена эта истина в речи Митрополита Николая: «Согласие на мир, на запрещение атомного оружия, на разоружение требует особого состояния духа, когда людей соединяет бескорыстие, жажда справедливости, готовность к самопожертвованию, когда человек верит в добрые свойства и намерения другого человека, когда мы видим друг в друге брата, образ Божий». И с особой настойчивостью обращается Митрополит Николай к тем, кто, если можно так выразиться, по самому призванию своему суть миротворцы, которые объединяются «в силу христианского долга, ко-

торый обязывает их в любое время и в любых обстоятельствах противопоставлять всякому выражению зла — добро, всякой тьме — свет, всякой лжи — истину и всякой розни — свое единство», — к христианам Востока и Запада, сплоченность которых «может оказаться решающей». Именно в силу своего долга веры, «в согласии с духом своей религии» они «должны требовать от своих правительств переговоров и соглашений о немедленном запрещении атомного, водородного, бактериологического, химического и всякого иного оружия массового уничтожения, о прекращении его испытаний и производства, об использовании существующих запасов этого оружия в мирных целях, о сокращении обычных видов вооружения и о введении эффективного контроля за исполнением принятых соглашений».

Указав на исключительную роль христианских церквей в деле борьбы за мир, отметив христианскую позицию Римского Первосвященника в его отношении к атомному оружию, Митрополит Николай иллюстрирует свое сообщение рядом примеров, из которых наиболее волнующим надо признать публичное выступление американского католического епископа Кушинга, призвавшего, в связи с десятилетием атомной бомбардировки Хиросимы, всех христиан к покаянию и принятию на себя ответственности за этот, крупнейший до сих пор, акт истребления людей.

*
* *

Свою речь Митрополит Николай заключает поразительным по внутренней красоте и глубокой человечности, вдохновенным обращением к тем, кто еще не вошел в стан борцов за мир. Он рассказывает им о давнем родовом обычае среди индейцев, когда два враждовавших между собою племени, заключая мир, клялись в верности ему у холма, который насыпался над глубокой ямой, куда все воины сбрасывали свое оружие и на вершине которого примирившиеся сажали молодое деревце, символизирующее жизнь, согласие и дружбу.

«Я хочу обратиться к тем,— говорит Митрополит Николай,— кто не согласен с нами. Добрые люди, спутники по земной дороге! Оставим все наши расхождения и разделения,— ведь ни одно из них не может принести и тысячной доли тех ужасов, мук, слез, горя, которые принесла бы война. Давайте все вместе похороним оружие войны и на холме посадим зеленый росток, деревце мира. Пусть радуется оно утомленные наши взоры и истомившиеся сердца, пусть растет стройным и сильным, пусть те, кто придут нам на смену, ухаживают за ним с тою же любовью, с которой мы будем его сажать, и пусть они в полной мере насладятся сладчайшими его плодами...»

События самого последнего времени принесли и несут людям великую отраду, окрыляют сердца их новыми надеждами, приближают вожделенные сроки, все яснее показывают «друг в друге брата, образ Божий». Перечитывая вдохновенную речь Митрополита Николая, в свете этих событий видишь, как избранные Божии, безраздельно отдающие жизнь свою великому делу служения ближнему, осуществлению на земле заветов Жизнодавца Христа, обретают благодатный дар прозрения.

Р. Днепров

ГОЛОС ПОБОРНИКОВ ИСТИНЫ

Последняя Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира, состоявшаяся в апреле нынешнего года в Стокгольме, по составу ее участников была, несомненно, самой представительной. В своей Декларации Всемирный Совет Мира подчеркивает, что он отнюдь не считает себя единственным выразителем мирового общественного мнения, требующего прекращения гонки вооружений и восстановления доверия и сотрудниче-

ства между государствами. Декларация эта указывает, что и другие «крупные организованные силы, политические партии, профессиональные, культурные и иные организации и все религии» настаивают на разоружении. Согласованная деятельность миролюбивых сил как на Западе, так и на Востоке, оказывающих большое и призванных оказывать еще большее влияние на деятельность правительств разных стран и их взаимоотношения, «требует эффективной связи между нашим движением в защиту мира и всеми пацифистскими организациями, политическими партиями, профсоюзами, церквями и религиозными организациями и движениями и всеми моральными силами, деятелями, представляющими самые различные течения».

Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира опубликовала пять важных документов: «Призыв к мировому общественному мнению», «Телеграмму Подкомитету Комиссии ООН по разоружению» и три Декларации,— общую, по экономическим, социальным и культурным вопросам, и по вопросам атомной энергии. На заключительном заседании сессии его председатель, виднейший аргентинский борец за мир Эмилио Гарсиа Итурраспе, заявил: «Мы провозгласили начало нового этапа в нашем движении, который ведет к установлению мира и благосостояния народов».

Верующие русские люди с большим удовлетворением прочтут еще один документ, оглашенный на сессии и помещенный в № 5 «Журнала Московской Патриархии». Это — Призыв большой группы деятелей церквей и религий различных стран и народов, участников сессии, обращенный к верующим всех религий мира.

При всей краткости Призыв этот исполнен глубокого и многостороннего смысла, благородной человечности и той пламенной стойкости, которая отличает истинных приверженцев и поборников истины.

«Во имя... общерелигиозного начала; во имя братства всех людей... во имя мира и счастья наших детей и будущих поколений; во имя Бога, в Которого мы веруем,— осудим сами и будем звать всех верующих осудить и отвергнуть самую мысль о войне, ненавистную нашему духу, и связанную с мыслью о войне гонку вооружений!» — указывается в Призыве, и с особой страстностью авторы его обращаются к «противоестественному для религиозной совести» атомному оружию: «Все верующие всех религий, как один, проклянем его! Каждый из нас пусть зовет своих соотечественников к немедленному запрету и уничтожению его!»

Да, только проклятия, анафемы всего человечества достойно это новое жадное жало зла, это орудие дьявола. Проклятия и уничтожения, дабы не раздался над смятенной землей грозный голос Всемогущего: Каин, где брат твой?..

Определив мир как «высшее благо для всего человечества», Призыв в заключительных своих строках напоминает о нравственной обязанности всех верующих людей вносить в международные отношения «тот спасительный дух доверия и взаимопонимания, который должен стать основой длительного и прочного содружества народов».

Нам, православным русским людям, в высокой мере отрадно, что список авторов этого гуманнейшего документа, религиозных деятелей из СССР, Англии, Франции, Восточной и Западной Германии, Венгрии, Норвегии, Канады, Австралии и других стран открывается именем представителя нашей Великой Церкви, вставшей в свое время на защиту мира первой, первой возвысившей свой сильный голос с призывом ко всему христианскому человечеству встать на охрану великих заветов Господа Иисуса Христа,— именем мужественного и неутомимого сеятеля мира, Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая.

Н. Яковлев

РАДОСТНАЯ ПАСХА

С наступлением великого христианского праздника Пасхи так ясно и радостно снова и снова вспоминается и отображается в сердце трогательно-умилительное пасхальное богослужение на Камчатке в 1908 году в незабываемом дорогом моем детище — изолированной в то время от мира колонии прокаженных¹. В эту колонию были собраны нами больные лепрой (проказой) из различных глухих мест Камчатки, ютившиеся до этого в суровой пустыне, будучи изгнаны из родных селений и юрт, как опасно заразные.

Наша колония состояла из трех уютных деревянных домов — на морском берегу, среди гор. В одном доме ютились страдающие лепрой женщины и дети, в другом — такие же больные мужчины, а в третьем доме, стоявшем за изгородью, жила медицинская сестра. Эта самоотверженная женщина прибыла сюда добровольно, отозвавшись на наш призыв послужить неизлечимо больным страдалцам. Самоотверженное служение сестры, ее ласковая сердечная забота о несчастных и уход за ними значительно успокаивали больных, впадавших в меланхолическое, крайне угнетенное состояние.

Периодически я приезжал на собаках в колонию и привозил для насельников продукты питания и каждому, согласно возрасту и полу, различный материал для работы и рукоделия, журналы, книги, игрушки детям и игры для развлечения, чтобы отвлекать обреченных на страдания от гнетущих мыслей.

В одной из комнат я устроил скромную церковь в честь св. праведного многострадального (прокаженного) Иова и совершал там богослужение, уделяя время для бесед и общения с больными. Между нами установились близкие дружеские взаимоотношения и понимание.

За период моего полувекового священнослужения Православной Христовой Церкви мне приходилось как миссионеру встречать светлый праздник Пасхи и совершать пасхальное богослужение в самых неожиданных и разнообразных условиях! В камчатской суровой пустыне занесенным снежным бураном; в туземных подземных юртах, куда проникнуть возможно только через дымоход по столбу; на корабле в море; на берегу Великого океана; на передовых позициях в войну 1914—15 гг., в лазарете; в прежних тюрьмах; в монастыре, в Московском Кремле, в Константинополе, в Китае, в Японии и, наконец, в Камчатской колонии прокаженных, где я с любовью оставил частицу своего сердца. Конечно, каждое мое пасхальное служение и общение с людьми при вышеупомянутых обстоятельствах оставили неизгладимый след. Но самое светлое воспоминание — это «Пасха в колонии у прокаженных», каковое я в дальнейшем излагаю просто и безыскусственно, но с фотографической точностью.

¹ Борьба с проказой привела к ликвидации этой болезни в Советском Союзе, в частности и на Камчатке.

На Камчатке, на краю Вселенной,
 В могильной тьме земли забвенной,
 Вдали от мира, в безмолвии, под ризою небесной,
 Украшенною яркими звездами,
 В глуши, в снегах, меж морем и горами,
 Жили отверженные люди.
 Вот с этими духовными детьми,
 Страдающими телом и костями
 От злой мучительной проказы, не видевших ни радостей,
 Ничьей давно уж ласки,
 Господь судил мне с ними встретить Пасху.
 Без храма, без колокольных звонов,
 Без роскоши и без парчи нарядной,
 Без громких шумных хоров
 И без толпы парадной,
 В беленькой, чистенькой хатке,
 Убожеством и нищетой богатой,
 Там прокаженные стояли с возженными свечами,
 И Божий Дом молитвенный, украшенный цветами,
 Сияющие взоры всех, исполненные умиления,—
 Все это возвещало о наступившем дне Христова Воскресенья.
 В ризе скромной, под завесою алтарной,
 С настроением лучезарным,
 Со свечами и крестом
 Я воспел песнь у Престола,
 Ту, что ангелы на небе первые воспели.
 Их молитвы в сердца наши долетели.
 Гимн воскресный в грудь ударил прокаженным,
 И они с натугой гласом хриплым и болезнью изнуренным,
 Но душою умиляясь, пели песнь воскресного канона.
 Позабыты миром, отлучены света эти люди —
 Наши братья Господа молили
 О прощении своих грехов, о мире всего мира.
 В первый раз им от рожденья,
 В день великий, в день спасенья
 Довелось быть за обедней в Пасху, во Христово Воскресенье.
 И влекомые Христовою любовью
 Исповедались и приобщились Его Тела, Его Крови.
 Христос Воскресе, Христос Воскресе!
 От радости тогда они кричали:
 Воистину, Воистину Христос Воскресе!
 Им эхом волны моря, горы отвечали.
 Но вот прошел тот день, настал разлуки нашей час,
 И жаль мне расставаться с ними стало.
 И добрые воспоминания навек остались у нас,
 Хотя в духовном единении мы пробыли так мало.
 А как отраднo было им со мною — судите сами!
 Когда они, колена преклонив, с поникшей головою
 Молили Господа о ниспослании непогоды,
 Чтоб не было дороги мне. Меня ж молили со слезами:
 Родной ты наш отец! Еще, еще хоть день останься с нами!
 Да, сердце ведь не камень!
 Их слезы разогрели мне его опять,
 И я остался с прокаженными друзьями,
 Чтоб снова дружную беседу и молитву продолжать.

Митрополит Нестор
 (бывший камчатский миссионер)

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ В ТВОРЕНИЯХ ПЕСНОСЛОВЦЕВ СВ. ЦЕРКВИ

Существуют два канона на Вознесение Господне. Первый канон написан преп. Иоанном Дамаскиным, второй — преп. Иосифом Песнописцем.

«Спасителю Богу, проведшему народ по морю немокрыми ногами и потопившему фараона со всем воинством, — Ему Единому воспоем, ибо Он прославился» (1-й канон, песнь 1-я). Содержание первого канона исполнено торжественной хвалы Богу Спасителю. Песнословец, открывая «пение» праздника, обращается к «делам древним», вспоминает то величественное событие, когда Израиль, под водительством могущественной десницы Божией, прошел «немокрыми ногами» Чермное море. Он, Спаситель Бог, носивший Израиля, как птенцов на Своих орлиных крыльях в пустыне (Исх. 19, 4), ныне проявил Свою победную силу, Сам во плоти прошел небеса и «вознес род наш по неизреченному милосердию Своему» (1-й канон, песнь 3-я), выше Ангелов подъял «падшее в древности естество наше и непостижимо посадил на престоле божественном» (2-й канон, песнь 8-я). Оба песнословца торжествуют, ибо ныне небо стало «проходно» для смертных так же, как в древности Чермное море для Израиля. Не справедлив ли после этого их вдохновенный призыв: «Приидите, будем торжествовать и восклицать: воспевайте дела Господа и превозносите во вся веки»? (2-й канон, песнь 8-я).

Вдохновение песнословцев взлетает выше того «светлого облака», которое скрыло от св. апостолов возносящегося Христа. Они созерцают Его славный путь в Царстве духовном. Ангельские лики изумлялись, — поют песнословцы, — видя, что «смертное естество восходит на небо», однако, созерцая «обоженную плоть Твою, Христе, на высоте, друг другу говорили: Сей — воистину Бог наш» (1-й канон, песнь 9-я). Лики их раступались, открывая дорогу Христу. Путь его оглашался победными кликами: «Возвысьте врата небесные: вот пришел Христос, Царь твари, облекшийся в тело земное» (2-й канон, песнь 3-я).

Врата небесные тесны для славы Христа, — поют песнословцы, — ибо они слышат подобные звучаниям лиры пророка Давида воскликновения святых ангелов: «Возвысьте, врата, верхи ваши», приподымите их, ибо восходит Царь славы. Однако, «Кто же этот Царь славы?» — изумляются Силы небесные (Псалом 23-й, 1-й канон, песнь 4-я; 2-й канон, песнь 3-я). Они узрели нечто, что повергло их в трепет: «Отчего красны одежды плоти Соединившегося с вещественностью? — вещали святые ангелы, взирая на Христа, носящего божественные знаки честного страдания» (2-й канон, песнь 6-я).

В стихире праздника на «Господи, возвах» Святая Церковь поет: «Ангелы дивятся, Человека зряще превыше себе. Отец ждет, Его же в недрах имать соприсносущна». Сын никогда не отлучался от Отца: ни тогда, когда Он благовествовал на земле, ни тогда, когда нисходил во ад, чтобы вывести оттуда души праведников, ни тогда, когда вводил покаявшегося разбойника в рай, — но Отец ждет Того, у Кого «одеяние красно, и ризы, как у тогтавшего в точиле» (Паримия праздника). На удивление ангелов и несказанную радость человеков Отец открывает объятия Искупителю, — Тому, Кто «взыскал Адама, заблужшего от обольщения зминого» (2-й канон, песнь 3-я), Кто «силою Креста отверз рай» людям.

В событии Вознесения Господня св. песнословцы видят открывшуюся тайну божественного плана спасения людей. Некогда на горе Синае Господь дал закон чрез пророка Моисея, ныне же мы воспевает Его, вознесшегося с горы Елеонской и спосадившего «нас с Собою одесную Отца» (1-й канон, песнь 1-я). Сопоставляя оба эти события, преп. Иоанн Дамаскин открывает нашему разумению духовный смысл события Воз-

несения Господня: закон, данный на горе Синае, указывал Израилю путь к добродетельной жизни на земле; происшедшее же на горе Елеонской открыло неизмеримо большее, — оно показало, что наступил долгожданный мир между Богом и человеком, и этот мир установлен не так, как древле: в виде словесного договора и обетования, — он установлен необычайным образом: «совокуплено прежде расставшее во едино» (2-й канон, песнь 6-я), разрушено средостение между Богом и людьми, ибо «Адамов зрак... престолу Отческому соседителем соделан» (По полиелеи седален). «Взяв омертвевшее от греха естество наше, Ты принес его, Спаситель, к Своему Отцу» (1-й канон, песнь 7-я). Открылся необозримый путь спасения, неизмеримо более совершенный, чем путь Израиля в Землю Обетованную, ибо он ведет в «недра бессмертия», «во внутреннейшее за завесу», в сожителство ангелов, в объятия Отца.

Прот. И. Ефимов

ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

«Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13, 8). Любовь соединяет Церковь земную с Церковью Небесной в единый духовный союз. Любовь побуждает насельников блаженных обителей молиться за нас, проходящих свой земной путь; то же чувство обязывает нас молиться за всех почивших «отец и братьев наших». «Бог есть любовь», поэтому Он благоволит к плодам нашей любви — молитвам за усопших, особенно за тех, которые почивали в вере и уповании на милосердие Божие, но не успели принести «плодов, достойных покаяния».

Кто перед смертью принес чистосердечное покаяние и кто его не принес? — Нам трудно судить об этом, ибо мы не знаем, в каком настроении умирает даже самый закоренелый грешник: до самой смерти стоит близ него Ангел-хранитель и сердце каждого до последнего часа блюдет Господь. А что мы знаем о смертном часе тех, которые умирают в пути, в воде, на войне? По поводу каждого можно только задать вопрос: «Кто бо чист будет от скверны; ...аще и един день житие его на земли?» (Иов. 14, 4—5). Поэтому любовь к братьям побуждает нас молиться за всех почивших чад Святой Церкви, а суд о них предоставить милости Божией.

Каждый, прошедший свой земной путь, уже не может сам исправить свою загробную участь, и тяжко чувствуют себя те, которые, представ пред светлым ликом Господень, получили осуждение: они ведь тогда ясно представляют, чего себя лишили. Тем более любовь обязывает нас усиленно молиться о почивших, ибо у них осталась одна надежда на нашу молитвенную помощь и на милосердие Божие, милующее грешника за дары братской любви.

Но мы сами грешны, и будут ли услышаны наши молитвы? По этому поводу Сам Господь говорит: «Еже аще что просите во имя Мое, то сотворю» (Иоан. 14, 13). За эту именно любовь Господь милостиво воззрит и на нас грешных. Представим же себе, какое действие может иметь моление всей Церкви, собравшейся на трапезу любви во имя спасения преставившихся своих чад? Вот почему Святая Церковь в особо установленные сроки устраивает так называемые Родительские субботы, в которые возносит усиленные моления о почивших «отец и братьев наших».

Может ли быть изменена участь усопших по молитвам живых? По этому поводу мы имеем множество свидетельств, подтверждающих действительность молитв об усопших. Преп. Иоанн Дамаскин повествует: «У одного из св. мужей был ученик, живший беспечно. Смерть застигла его в такой беспечности. Милосердный Отец Небесный, подвигнутый слезами и воплями старца, открыл ему того юношу горящим в пламени даже

до выи. Когда же святой подверг себя строгим умерщвлениям плоти, с крепким воплем умоляя Бога, то увидел его объятого пламенем до пояса; наконец, когда св. муж присоединил к болезням болезни, то Бог в видении явил его старцу изъятым из пламени и совершенно свободным».

Учреждая общие моления за усопших, именуемые Родительскими суббота́ми, Святая Церковь не исключает и наших повседневных молитв за преставльшихся, как в храме, так и на «келейных» правилах. Наоборот, она этим благим установлением напоминает своим чадам об их долге любви перед почившими.

Некоторые Родительские субботы, кроме указанной цели, имеют и другое назначение. Родительская суббота, учрежденная в субботу накануне дня св. Пятидесятницы, именуется Троицкой родительской субботой. В день Пятидесятницы на землю сошел Дух Святы́й для научения и освящения людей и приведения их ко спасению. Войдут ли в этот спасительный круг и наши преставльшиеся? Любовь к ближнему и побуждает нас накануне этой вселенской радости возносить молитвы ко Господу, чтобы и наши усопшие не были лишены того блаженства, которого сподобляется всякий, просвещенный Духом Святым.

В Родительскую субботу наши храмы переполняются верующими. Особенно много в этот день подается записок «об упокоении». «Помяники» заполняются большим, чем в обычные дни, количеством имен почивших. Однако спросим себя: достаточно ли только записать имя усопшего в подаваемую для поминовения записку и отметить день усиленного моления увеличением, против обычного, количества поминаемых? Совершенно недостаточно. За каждым записанным именем перед молящимся должна стоять душа усопшего со всеми известными ему ее особенностями и грехами. И долг нашей любви к почившим побуждает нас воссылать к Господу о каждой горячей молитву о прощении его прегрешений.

«Упокой, Господи, души усопших раб Твоих». Если мы и не знаем точно грехов наших усопших, о которых молимся, то этой молитвой можно многое сказать, поэтому мы ее часто и повторяем в эти дни поминовения. Какого покоя мы просим у Господа для наших сродников? «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», сказал Господь (Мф. 6, 21). Мы всегда привязаны к суете земной, любим земные сокровища и бываем чужды сокровищ небесных. Сколько же у нас возникнет страданий, когда мы, преставившись, увидим, что наши «земные» склонности не имеют ценности, а к небесным благам мы себя не приучили. Какое смятение может возникнуть в душе, когда она увидит, что «в лености все житие свое ижила»? — «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих», — умоляем мы Господа. Отреши сердца их от пристрастия к оставленному ими тленному, да научатся они находить пищу в благах вечных и обретут покой мятущимся сердцам своим.

Много смятений и беспокойств обретает душа умершего и в своей совести, которая мучит ее за греховные дела. Эти мучения неотразимы и тяжки, потому что в загробной жизни «всякие деяния обнажатся» во всей своей неправде. А впереди — нелицеприятный суд милостивого Судии. Который всю твою земную жизнь стоял у твоего сердца, но... зову Его ты не внимал. Поэтому мы усиленно просим Господа: «Упокой душу усопшего раба Твоего». Излей, Господи, на язвы греха его елей Твоего милосердия! Да угаснет внутренний червь, терзающий душу усопшего!

Много умирительных песнопений мы слышим в Родительскую субботу и за всеобщим бдением и за Божественной литургией. Сердце наше не должно отступать от общей молитвы Церкви, и все существо наше должно быть проникнуто воплем любви и сострадания к почившим: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих!»

Прот. И. Потапов

УСВОЕНИЕ ДОГМАТИЧЕСКИХ ИСТИН ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ

Конечной целью всех домостроительных действий Божиих о человеке, в том числе и сообщения ему Откровенной истины, является его спасение, понимаемое с внутренней стороны, как исцеление, оздоровление пораженной грехом человеческой природы¹.

Из всех русских богословов-систематиков епископ Сильвестр дал наиболее глубокое понимание природы догматических истин и их значения для такого оздоровления и спасения человека. Епископ Сильвестр полагает необходимым особое «внутреннее отношение сознания к догмату», а не одно внешнее признание его истинности. Ибо «только под этим, а не иным условием догмат достигает своего назначения и становится тем, чем он должен быть для сознания человека,—становится для него истинным светом, просвещающим темные его глубины, и новым жизненным началом, вносящим в его природу новую истинную жизнь для передачи ее всему духовному существу человеческому»².

Усвоение содержания догматических истин происходит верой, то есть чрез признание их безусловной истинности. Возможность такого усвоения определяется тем «внутреннейшим и глубочайшим отношением, в каком стоят между собой догматы и человеческое сознание, догматы, которые даются Божественным откровением, и человеческое сознание, для которого они даются»³. Сущность этого отношения необходимо по возможности уяснить, ибо им определяются самые задачи и границы деятельности разума в богословии.

Невозможность полного постижения разумом содержания догматических истин составляет одно из основных положений православного богословия⁴. Но это не значит, что между содержанием догматических истин и законами разума существует противоречие, так как при этом само Откровение было бы бесцельно и даже невозможно. Невозможность постижения полного не препятствует постижению частичному, постепенному «возрастанию в познании».

Основная причина указанного отношения между догматами и человеческим сознанием заключается в ненормальном состоянии всей природы человека, всех его сил и способностей, в том числе и способностей разума, после грехопадения. И само «откровение дается человеку для человека с тем, чтобы врачевать немощи его», каждая откровенная истина «помогает той или другой нужде самого разума, врачует ту или другую немощь его, причиненную грехом»⁵. Возможностью такого врачевания и объясняется способность «возрастать в познании»

¹ «В основе понятия (спасения) лежит представление о целении (приведении в цельность) или оздоровлении раздвоенного или больного человека) *σωτήριον* — целый, здоровый; *σωτήριον* — целение, оздоровление). Таким образом, спасение состоит в сообщении человеку безгрешности и цельности перед судом как Бога, так и самого человека». (Проф. М. Д. Муретов, Новый Завет, как предмет правосл. богослов. изучения, Сборник в память столетия Моск. дух. академии, т. II, Сергиев Посад, 1914, стр. 618, 619).

² Епископ Сильвестр, Опыт Правосл. Догматического Богословия, т. I, изд. 3-е, 1892, стр. 30.

³ Там же, стр. 29.

⁴ «Всякий догмат потому и составляет предмет веры, а не знания, что не все в догмате доступно нашему человеческому пониманию. Когда же догмат становится слишком понятным, то имеются все основания подозревать, что содержание догмата чем-то подменено, что догмат берется не во всей его Божественной глубине» (Слова Патриарха Сергия, повторенные Патриархом Алексием. См. «Слова, речи, послания», т. II, М., 1954, стр. III).

⁵ Архиеп. Филарет Гумилевский, Правосл. Догматич. Богословие, ч. I, СПб., 1882, стр. 16.

(2 Петр. 3, 18), достигать «обновления ума» (Рим. 12, 2), того состояния, когда способности самого постижения истины бесконечно увеличиваются.

Признание истинности откровенных, полученных от Бога, а не выведенных по законам падшего разума, истин и является началом врачевания разума, внесением в его область начал «здорового учения».

«Современность ждет от догматики,— говорит проф. А. И. Введенский,— внедрения в отпавшую от Бога мысль мыслей Божиих,— тех Божественных начал духовного, частнее — умственного нетления (ибо есть и такое нетление!), которые противодействовали бы распаду нашего духовного организма»⁶.

Догматические истины,— по словам прот. А. В. Горского,— соприкасаясь между собой, «соприкасаются и с другими началами, лежащими в уме человеческом: вся область ума от того просветляется... с течением времени все более и более становится возможною полная строгая система знания»⁷.

Усвоенные умом откровенные догматические истины оказываются теми основами, на которых может быть построено единственное цельное мировоззрение, свободное от внутренних противоречий. Поэтому, несмотря на невозможность полного (конечного) постижения и исчерпывания разумом всего содержания откровенной истины, «необходимо, чтобы никакую, даже в тайне сокровенную, премудрость (мы) не почитали для нас чуждою и до нас не принадлежащею, но со смирением устроили ум к Божественному созерцанию и сердце к небесным ощущениям»⁸.

Поэтому «разум не может созидать новых догматов, но зато силою своей самодетельности может готовые, данные догматы вполне усвоить себе, обращая их в свое собственное достояние, в свою природу и жизнь. Он не вправе изменять и извращать их, но, углубляя в свое сознание, он может свободно раскрывать и уяснять их, переводя на свой более понятный и ясный язык и сообщая им через это вид большей определенности, раздельности и наглядности. А то и другое должно доставить для разума глубокую, внутреннюю диалектическую работу, ни в чем не уступающую всякой другой его научной работе»⁹.

Приведенное определение деятельности разума в богословии в основном правильно. Но эта деятельность никогда не должна отделяться от других сторон внутренней религиозной жизни, замыкаться в нечто само себе довольное, так как в этом случае возникает опасность уклонения в то направление богословствования, которое называется схоластическим¹⁰.

Основным признаком этого направления в богословии является применение формальных приемов мышления для раскрытия содержания истин Откровения, когда последние рассматриваются в качестве общих понятий, и выведенные из них отвлеченные положения принимаются за истинные; христианское вероучение обращается в отвлеченную метафизическую систему, и догматические истины теряют свое жизненное содержание. А отсюда возникают все известные отрицательные особенности схоластического богословия. И вместо «уврачевания разума», через возвышение его к восприятию Откровенной истины, само содержа-

⁶ «О методологической реформе православной догматики», «Богословский Вестник». 1904, № 6, стр. 186.

⁷ «Запись в дневнике». См. «Прибавл. к Творениям св. Отцов», 1884, ч. III, стр. 128.

⁸ Митрополит Филарет, Слова и речи, т. IV, стр. 148.

⁹ Епископ Сильвестр, Цит. соч., стр. 38—39.

¹⁰ Схоластическое богословие достигает своего наибольшего развития в средние века на Западе после отделения Западной Церкви от Восточной. Но его влияние значительно отразилось на развитии богословия до настоящего времени, в том числе и русского.

ние этой истины снижается до уровня способности к восприятию и отвлеченному мышлению поврежденного грехом и еще не очищенного человеческого разума.

Плодотворность работы разума, «поставленного на службу Откровению», его собственное развитие и уврачевание, находятся в самой непосредственной связи с нравственным, вернее внутренним, состоянием человека ¹¹.

Способности человека к богопознанию и восприятию истин Откровения развиваются постепенно. И до достижения тех высоких состояний внутренней жизни, когда «ум чист и видит истину», должно знать, что «истина не поддается отвлеченным понятиям» ¹², не отвергая смысла «научной» работы разума, указать на возможность раскрытия содержания догматических истин с других сторон, также доступных нашему восприятию.

В христианстве нет чего-либо, не имеющего непосредственного отношения к спасению человека. Поэтому догматические и нравственные истины могут рассматриваться совместно, тем более что «они нераздельно сообщены Богом в Откровении, нераздельными остаются и в жизни истинного христианина» ¹³. Отличие же между ними заключается в том, что первые являются истинами о Боге и Его отношении к человеку, а во вторых указываются нормы отношения человека к Богу и другим людям ¹⁴.

Догматические истины неизменны, потому что неизменен Бог и неизменно Его отношение к людям, нравственные же истины, будучи в своем существе также неизменны, раскрываются как заповеди, как указание на то, что еще должно быть достигнуто человеком в его подверженной изменениям жизни. Но те и другие имеют один общий признак спасительности.

Более точное определение этого общего признака сформулировано в русском богословии недавнего времени, но по существу своему признание жизненного единства догматических и нравственных истин всегда составляло одну из особенностей богословия восточного. «Вера ваша — двигатель ваш на высоту, а любовь — путь, возводящий к Богу», — говорил об этом единстве еще св. Игнатий Богоносец ¹⁵. Впоследствии это взаимоотношение «догматов благочестия» и исполнения заповедей было сформулировано как необходимость веры и добрых дел для спасения.

Выражая отношение «Живого Бога» к человеку, догматы не остаются в сознании человека отвлеченными умозрительными истинами. — они должны возбудить в нем ответное живое отношение к Богу. Требование такого отношения ясно выражено еще в ветхозаветном Откровении, в той заповеди, которую Иисус Христос назвал первой и главной: «Слушай, Израиль, Господь Бог наш есть Господь Единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею — вот первая заповедь» (Мрк. 12, 29—30; Второзак. 6, 4—5).

¹¹ В самом Откровении истины, касающиеся всех сторон жизни человека, сообщаются вместе нераздельно: истины веры (догматы), как основы новой жизни; истины нравственные (заповеди), как нормы поведения, или проявления этой жизни извне; и обетования о восстановлении богообщения, как цель всех стремлений человека. См. статью М. Н. Новоселова, Догмат, этика и мистика в составе христианского вероучения («Голос Церкви», 1912, № 10, есть в отд. изд.).

¹² Св. Ириней Лионский, Сочинения, СПб., 1900, стр. 542.

¹³ Митрополит Макарий, Правосл. Догмат. Богословие, т. I, изд. 4, СПб., 1883, стр. 36.

¹⁴ Всякая религиозная жизнь, по своему существу, «как связь человека с Богом, определяется отношениями Бога к человеку и человека к Богу» (Архиеп. Филарет, Цит. соч., стр. 4—5).

¹⁵ Послание к Ефес., гл. 9.

Открытие главнейшего ветхозаветного догмата о Единстве Божиим требует ответного единства душевных сил человека в любви к Единому Богу. Без этого ответного отношения самая вера останется «мертвой», — она не будет отличаться от веры бесовской — «Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут» (Иак. 2, 19).

Еще более важное значение для всей христианской нравственности имеет «нравственная идея догмата Пресвятой Троицы».

Все сравнения и аналогии, употреблявшиеся для уразумения этого догмата, остались бы бесконечно далекими от той истины, которую они пытались приблизить к понятиям человеческого разума, если бы не была открыта еще одна истина о Боге, которая несколько уясняет тайну Троичности — «Бог есть любовь» (1 Иоан. 4, 8), и любовь в Боге предвечна, потому что Отец возлюбил Сына «прежде основания мира» (Иоан. 17, 24). И только эта «Ипостасная любовь есть нечто постижимое в Боге»¹⁶.

Раскрывая истину о предвечной любви и Единстве Божественных Лиц, Господь Иисус Христос указал и ответное отношение человека на эту истину в своей «Новой заповеди» и присоединил особый призыв к взаимному единству всех между собою по образу Единства Святой Троицы: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоан. 13, 34—35). И «да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоан. 17, 21). Тогда же особым действием Своей любви Господь Иисус Христос установил таинство Евхаристии — основу Церкви, залог действительности и возможности этого единства.

Значение догмата о Святой Троице для христианской жизни и нравственности всеобъемлюще. Жизненная сторона заключенной в нем истины составляет «метафизическую основу» любви, как начала всякой нравственности, ибо без этого любовь на земле осталась бы простым инстинктом, таким же «явлением природы», как и противоположная ей ненависть (борьба за существование). Догмат о Единстве Лиц Св. Троицы является внутренним побуждением к любви в сердце уверовавшего в эту истину человека, ибо без этого все нравственные правила остались бы только «законом», внешне данным человеку, и праведность его исполнителя не превзошла бы праведности книжников и фарисеев.

Подобная нравственная сторона присуща каждой догматической истине, составляющей глубокую внутреннюю основу всякой «практической» заповеди в христианстве¹⁷.

Проникновение сознания человека содержанием Откровения не может ограничиться одним признанием его истинности, оно должно стать внутренним стимулом всех его действий, определить все его поведение, заставить «жить по вере».

И «жизнь по вере» подтверждает истинность догматических основ этой жизни. Ибо «кто хочет творить волю Его (Божью), тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Иоан. 7, 17). «Несомненность веры в людях высоких душею, — говорит св. Исаак Сирианин, — открывается по мере того, как они по нравам своим сообразу-

¹⁶ Св. Симеон Новый Богослов, Божественные гимны, 1917, стр. 220. Ср. также: «Ты видишь Троицу, если видишь любовь» (Блаж. Августин, цит. по «Курсу Правосл. догматики» прот. Малиновского, т. I, 1910, стр. 455) и «Любовь есть первоначальное созерцание Святой Троицы» (Св. Исаак Сирианин, Слова Подвижнические, 1911, стр. 266).

¹⁷ «Будь уверен, что всякому доброму делу, совершаемому в тебе сознательно или бессознательно, посредниками для тебя были крещение и вера, посредством которых призван ты Господом нашим Иисусом Христом на дела Его благие» (Св. Исаак Сирианин, цит. соч., стр. 133).

ются в жизни с заповедями Господними»¹⁸. То же подтверждает более близкий нам подвижник — еп. Игнатий Брянчанинов: «Самое сильное убеждение (в истинности и Божественности христианства) является от жительства по евангельским заповедям, как и пророк сказал — «от заповедей Твоих разумею» (Пс. 118, 104). Убеждение от исполнения заповедей есть убеждение, действующее в самой душе человека: оно сильнее всякого убеждения извне»¹⁹.

Поэтому и при недоступности для разума всего содержания догматических истин «нравственный опыт может служить проверкой и подтверждением истин христианской веры»²⁰.

Раскрыть нравственное значение догмата — значит облегчить восприятие того спасительного начала нравственной жизни, которое заключается в догмате²¹. И это начало, как «сила», может восприниматься даже раньше, чем содержащаяся в догмате «мудрость», как говорит апостол Павел в начале первого Послания к Коринфянам.

«Нравственный опыт» — жизнь по заповедям христианским, с самого ее начала, дает несомненное убеждение в истинности основ веры, как стимулов этой жизни. Однако такой опыт составляет лишь начало более глубокого внутреннего или духовного опыта, присущего только христианству, так как «христианство является единственной в мире религией, которая дает опытную проверку своих упований».

Все силы и способности человека, в том числе и познавательные, изменяются в соответствии с состоянием его внутренней, духовной жизни.

Изучение духовной жизни составляет содержание отдельной богословской дисциплины — аскетики. Здесь же следует лишь определить значение духовной жизни для уяснения содержания догматических истин.

При отрыве от правильной внутренней жизни богословие, как было замечено, обращается в одну «доктрину», в схоластику в дурном значении этого слова. А внутренняя жизнь без постоянной, во всех ее состояниях, проверки «здравым церковным учением», основы которого выражены в догматах, неизбежно извращается, приводит к «преlestи»²².

По мере развития правильной внутренней жизни в человеке происходит то, что святые отцы называли оживлением духа человеческого, пораженного грехом; человек начинает иначе, чем прежде, понимать, познавать, ощущать истины веры.

Прежде всего это то живое «ощущение Бога», о котором апостол Павел говорил афинянам (Деян. 17, 27), а потом подобное же ощущение и других истин веры, приближающееся к их созерцанию. В таком ощущении, — говорит св. Исаак Сирианин, — «рождается иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру. Называют ее верою созерцательною. Дотоле был слух — «вера от слуха»

¹⁸ Св. Исаак Сирианин, цит. соч., Слово 30, стр. 133.

¹⁹ Еп. Игнатий, Сочинения, т. IV, ч. 3, СПб, стр. 148.

²⁰ Арх. Антоний, Собр. соч., т. II, стр. 59.

²¹ Недостаточно точно эта сторона называется у митрополита Макария «нравственным приложением» догмата.

²² Правильная духовная жизнь вообще может быть только в Церкви, так как только здесь подается человеку действительная помощь в его личных усилиях через таинства и другие средства участия в общецерковной жизни. Содержание этой жизни заключается в борьбе со страстями, внутреннем, с помощью Божией, очищении от греха, но не в искусственном развитии способностей к проникновению в духовный мир, ясновидению и т. д. Одно время (до 1917 г.) наш книжный рынок был наполнен всякого рода изданиями по теософии, спиритизму и так далее, где давались разные указания для такого развития. Все подобные указания Церковью отвергаются, так как следование им может привести лишь к глубокому внутреннему расстройству, состоянию чрезвычайно вредному и опасному.

(Рим. 10, 17), а теперь созерцание, созерцание же несомненное слуха»²³.

Такое изменение в восприятии истин веры совершается постепенно. Св. Исаак, в полном соответствии с учением других отцов, указывает три степени внутреннего состояния человека, называя их в порядке постепенности плотским, душевным и духовным, или неестественным, естественным и вышеестественным — благодатным. И важно проследить, каково же бывает восприятие догматических истин человеческим сознанием во всех этих состояниях.

В первом состоянии, из которого человек только «полагает начало», его вера является или простой уверенностью или чисто рациональным убеждением. Но живого внутреннего отношения к ее содержанию еще может и не быть.

Человек может находиться в том состоянии, о котором говорится в одной из вечерних молитв: «Господи, избави мя всякого неведения, и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия». «Нечувствие» — это тяжелое внутреннее состояние, которое, к сожалению, всем нам знакомо²⁴. Замечательное описание этого состояния дано еп. Игнатием Брянчаниновым в поучении «О мертвости духа человеческого»: «По определению отцов, — нечувствие есть умерщвление духовных ощущений, есть невидимая смерть духа человеческого по отношению к духовным предметам... Пред взорами (обращающихся от греха) обнаруживается во всем ужасном объеме и значении своем недуг нечувствия... Сердце, пораженное предшествовавшей нерадивою жизнью, как бы смертельною язвою, не обнаруживает никакого признака жизни. Тщетно собирает ум помышления о смерти, о суде Божием, о множестве согрешений своих, о муках ада, о наслаждениях рая; тщетно старается ум ударять в сердце этими помышлениями: оно пребывает без сочувствия к ним, как бы и ад, и рай, и суд Божий, и согрешения, и состояние падения и гибели не имели к сердцу никакого отношения»²⁵.

В таком состоянии, по выражению св. Исаака, «ведение противно вере». Содержание догматических истин еще не ощущается. Они могут быть приняты разумом, из них могут быть сделаны известные рациональные заключения... Но «ум мой лукавый на лукавая обхождаше», и умозаключений может сделать сколько угодно...

Догмат для верующего человека в этом начальном состоянии остается внешней, законообязательной истиной. Но человек может избавиться от такого состояния — он может от состояния неестественного перейти к состоянию естественному, когда «ведение приводит к вере», и человеку делаются доступными те ощущения, о которых упоминалось выше. Часто это проявляется и у людей, обращающихся к вере после блужданий «на стране далече», впервые приступающих к таинствам.

«Отец, увидав приближающегося блудного сына», — рассказывается в «Истории одного обращения», — еще раз Сам поспешил ему навстречу. От старца услышал я, что все грехи человеческие как капля пред океаном милосердия Божия. Я вышел от него прощенный и примиренный, в трепете и слезах, чувствуя себя внесенным, словно на крыльях, внутрь церковной огады. И в этот вечер благодатного дня, а еще более на следующий за литургией, на все глядел я новыми гла-

²³ Слово 84, цит. соч., стр. 401.

²⁴ Близость к нам такого состояния может быть познана в молитве, читаемой в конце вечернего правила: «Владыко, Человеколюбче, не уже ли мне одр сей гроб будет... се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит. Суда Твоего, Господи, боюся, и муки безконечныя, злое же творя не престаю...» Часто произносит эти слова человек и никакого страха не испытывает, хотя не может отвергнуть их истинности, и эти значительные, полные глубокого содержания, слова проходят мимо сознания, совершенно не затрагивая чувства.

²⁵ Собрание сочинений, т. IV, СПб, 1905, стр. 152, 154.

зами, ибо знал, что и я призван, и я во всем этом реально соучаствую: и для меня, и за меня висел на древе Господь и проливал пречистую Кровь Свою, и для меня здесь руками иерея уготовляется святейшая трапеза, и меня касается это чтение Евангелия, в котором рассказывается о вечери в доме Симона прокаженного и о прощении многовозлюбившей жены-блудницы, и мне дано было вкусить святейшего Тела и Крови Господа моего».

Отношение сознания к религиозным истинам здесь другое, чем описанное епископом Игнатием. Эти истины становятся для человека живыми и из области ума переходят в область чувства. И только такое живое отношение к Богу является основой, началом настоящей религии. Истина догмата ощущается здесь как спасительная ²⁶.

Еще более высокое состояние св. Исаак называет благодатным. В этом состоянии «ведение» человека делается духовным — догматические истины созерцаются. У святых отцов имеется много описаний такого состояния, они особенно ярки у преп. Симеона Нового Божеслова. «Священная песнь,— говорит он,— которую часто имеем мы в устах своих, гласит: Воскресение Христово, не веровавшие, а что? — Воскресение Христово видевшие, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному... Уж не хочет ли песнь церковная научить нас говорить ложь? Да не будет! Напротив, она завещала нам возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о том воскресении Христовом, которое бывает в каждом из нас, верных, и бывает не просто, но светоносно, блистая сиянием Божества Его и нетления. Светоносное присутствие Духа показывает на совершившееся в нас воскресение Господне и еще паче — дает нам благодать видеть Самого Воскресшего Христа Господа... Ибо когда приходит в нас Христос благодатию Святого Духа, то воскрешает нас из мертвых, какими бываем дотоле, и животворит, и делает, что мы видим в себе живым Его Самого, бессмертного и нетленного» ²⁷.

Описанное преп. Симеоном состояние, конечно, нельзя считать обычным, но все же оно не является исключительным. Так, митрополит Филарет приводит те же слова церковной песни, что и преп. Симеон: Церковь «уже отвечает на желание наше, и не только нам обещает видение Воскресшего, как возможное, но и возвещает, как уже действительное. Она поет: «Воскресение Христово видевшие, поклонимся Святому Господу Иисусу». Если мы видели воскресение, то видели и Воскресшего, потому что воскресение видимо только в Самом Воскресшем. Если, положим, что Матерь-Церковь имеет в виду преимущественно достойных и совершенных чад своих, и в их-то лице говорит так уверительно: мы видели воскресение; то нам, несовершенным и недостойным, остается по крайней мере надежда, что и мы того же можем сподобиться, если поревнуем и потрудимся сделаться достойными и совершенными... Из сего видно, во-первых, что дара созерцания духовного может сподобиться каждый истинно верующий, во-вторых, что одно из средств к достижению сего дара есть молитва» ²⁸.

В совершенном согласии с этим утверждает и епископ Игнатий: «Вступивший в служение Богу с дней неспорченной юности и пребы-

²⁶ О приведенных описаниях «нечувствия» и оживления религиозных ощущений следует заметить, что ими в данном случае характеризуются лишь самые состояния внутренней жизни человека, по терминологии св. Исаака, «плотское и душевное», в их отношении к восприятию догматических истин. Тогда как у отдельных лиц подобные переживания могут зависеть от различных причин: человек, живущий глубокой внутренней жизнью, также может переживать отдельные периоды «нечувствия», и у человека, лишь обращающегося к Богу, как это часто и бывает, является живое ощущение Бога и духовного мира, что собственно и составляет причину его обращения.

²⁷ «Слова», в пер. еп. Феофана, т. I, М., 1892, стр. 346—347.

²⁸ «Слово на вечерне дня Св. Пасхи», 1844. См. «Слова и речи», ч. 4, М., 1882, стр. 299—300.

вающий в этом служении с постоянством, подчиняется непрестанному влиянию Святого Духа, запечатлевается исходящими от Него благодатными, всесвятыми впечатлениями, стяжавает, в свое время, деятельное познание воскресения Христова, оживает во Христе духом, содевается, по избранию и повелению Божию, проповедником воскресения для братии своей»²⁹.

Такое единство духовного опыта, единство созерцания доказывает полную реальность — «объективность» этого опыта, реального восприятия и переживания догматических истин.

Тесная связь богословия с духовным опытом вполне ясно осознана православными русскими богословами. «Духовный, внутренний опыт высокого, могущественного и благотворного действия священнотаинственных учреждений есть близкое дознание их силы и важности для тех, которые имеют такие опыты... Поэтому можно «несколько разумевать и самую веру и ее спасительные действия и удостовериться, что в них нет неправды, ни несообразностей»³⁰.

«Учение Церкви не могло бы захватить человеческую душу, если бы оно не выражало до некоторой степени внутреннее опытное познание Истины, сообщаемой в различной степени каждому из верующих»³¹.

Хотя преп. Симеон полагает, что «тщетно именуется христианином тот, кто не имеет в себе благодати Христовой ощутительны»³², опытное познание христианства все же еще далеко от сознания большинства членов Церкви. Но это не значит, что религиозный опыт не должен использоваться при изучении догматических истин. Митрополит Филарет задает подобный вопрос и дает на него ответ: «Нельзя ли, однако, найти средство воспользоваться и такими опытами, к которым сами мы еще, может быть, неспособны? Такое средство есть внимательное наблюдение над духовными опытами людей дознанной святости и веры»³³.

Приведенные свидетельства показывают значение духовного опыта для богословия, для более углубленного восприятия догматических истин. Но такое взаимодействие было бы понято односторонне, если бы не было указано также и значения богословия (догматических истин) для духовной жизни.

Полнота духовного опыта, как и полнота разума, раскрываются не в сознании отдельного христианина, а в жизни всей Церкви. И догматические истины, проверенные безошибочным церковным опытом, в дальнейшей проверке не нуждаются и сами являются наивысшей проверкой истинности всяких умозаключений и правильности всякого духовного опыта.

Как в области разума, в процессе познания догматических истин, отдельные умозаключения могут привести к выводам ошибочным, в край-

²⁹ «Поучение в нед. Жен-Мироносиц о мертвости духа человеческого». См. т. IV, стр. 155.

³⁰ Митр. Филарет, Слова и речи, ч. 4, стр. 92 и 105. Эта же мысль выражена у отдельных богословов с большой определенностью: «Живой религиозный опыт — единственный законный способ познания догматов» (Свящ. П. Флоренский, Столп и утверждение Истины, стр. 3). «Догмат есть не что иное, как констатирование факта религиозной жизни, данного в религиозном опыте» (Проф. догмат. богословия СПб. Духовной академии П. Лепорский. См. «Записки петерб. рел.-фил. собраний 1902—1903 гг.», стр. 422).

³¹ V. Lossky. *Essai sur la Théologie Mystique de l'Eglise d'Orient*, p. 7.

³² См. «Слова», ч. I, стр. 204.

³³ «Слова и речи», т. IV, стр. 92. Часто под содержанием духовного опыта понимаются лишь исключительные состояния человека: видения, голоса, явные искушения и т. д. Это тоже область опыта, но не только малодоступного, но и правильно понимаемого немногими. Рассказы о подобных явлениях занимают и вызывают любопытство у людей, находящихся на невысокой степени как общего, так и религиозного развития. Понимание этих явлений обычно огрубляется, так как исходит из того состояния, в котором находятся такого рода истолкователи.

нем развитии — к «ереси», так и во внутренней жизни отдельных лиц их опыт может быть «неистинен», в последовательном развитии стать «прелестью»³⁴.

При правильной духовной жизни содержание догматических истин переживается и опытно ощущается, и согласие с этими истинами является одним из критериев для суждения о правильности внутренней жизни и достоинстве духовного опыта». Вне истины, хранимой всей Церковью, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности. Это была бы смесь истинного и ложного, реального и иллюзорного, это был бы «мистицизм» в дурном смысле этого слова.

Так же, как «правая вера» с правильной духовной жизнью, так и «ересь» с «прелестью» связаны неразрывно: «Догматическое сознание органически связано со всем ходом внутренней духовной жизни. Измените в своем догматическом сознании что-либо, и неизбежно изменится в соответствующей мере и ваш духовный облик и вообще образ вашего духовного бытия. И, наоборот, уклонение от истины во внутренней духовной жизни повлечет изменение в догматическом сознании»³⁵.

Эта истина проверена тысячелетней исторической жизнью Церкви. И такое свидетельство более убедительно, чем умозаключения и рассуждения. Здесь, в самой непрерывности церковной жизни, заключен переход к непосредственному свидетельству: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни, ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1 Иоан. 1, 1—2).

*
* *

В заключение следует возвратиться к определению догмата, как истины жизни — всех ее сторон, как они определяются в терминах психологии, — ума, чувства и воли.

В деятельности разума догматические истины являются теми основами, на которых может быть построено то цельное философское мировоззрение, достижение которого всегда представляло задачу всех его (разума) усилий. В области чувства содержание догматических истин составляет предмет высших ощущений и созерцаний при всех глубочайших состояниях внутренней жизни человека. В области волевых устремлений «нравственная сторона» догматических истин представляет собой основу тех практических истин, которыми определяется свободная деятельность человека.

Как истина спасительная, догмат, проникая все стороны жизни человека, раскрывает «свою Божественную энергию» (прот. А. Горский), становится «животворным»³⁶ «новым жизненным началом, вносящим в его природу новую истинную жизнь для передачи ее всему духовному существу человеческому»³⁷.

Свящ. П. Викторov

³⁴ Такого рода «опыты» встречаются довольно часто и вызывают известную недооценку значения религиозного опыта вообще. Широко известное описание такого непроверенного опыта имеется в книге американского психолога Джемса — «Многообразие религиозного опыта», на которую часто ссылаются апологеты. Нужно заметить, что значение этой книги состоит в том, что крупный ученый признал за религиозным опытом его объективное значение. Но при сравнении этого опыта с опытом святых отцов, немедленно же выясняется его недостаточность и ограниченность. Антропоморфические представления о Боге являются обычным признаком такого «неистинного» опыта.

³⁵ Этот вывод делает из жизни современного подвижника афонского старца Силуана († 1938 г.) его ученик иеромонах Софроний. См. его книгу «Старец Силуан», стр. 60.

³⁶ Еп. Сильвестр, указ. соч., стр. 30.

³⁷ Арх. Филарет, указ. соч., стр. 6.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК

(За последние пять столетий)

В истории Восточного Православия середина XV века отмечена двумя крупнейшими событиями, которые внесли существенные перемены в положение православных восточных церквей и в их взаимоотношения. В 1448 году Русская Православная Церковь, находившаяся с момента своего возникновения в подчинении Константинопольскому патриарху, стала автокефальной, а в 1453 году пала под ударами турок столица Восточного Православия — Константинополь.

После крушения Византии весь Православный Восток оказался под игом мусульман-завоевателей. Единственным независимым православным государством в мире оставалась Московская Русь. Естественно, что к ней и устремляли взоры христиане Востока и восточные церкви в надежде получить помощь.

С другой стороны, и русские люди, сыны Русской Церкви, считали себя обязанными, по чувству уважения и благодарности к старейшим церквям Востока, делать для своих страждущих единоверных братьев все, что было возможно.

Участие России в облегчении судьбы восточных христианских народов создало и укрепило ту неразрывную связь русского народа с православным Востоком, которую не в силах расторгнуть никакие происки врагов Православия.

I

В первое время после падения Царьграда сношения Русской Церкви с православными церквями Востока выражались главным образом в оказании материальной помощи последним. Как только весть о постигшей Византию катастрофе дошла до Москвы, митрополит Иона в своем окружном послании выразил скорбь Русской Церкви по поводу этого печального события и призывал свою паству к материальной помощи пострадавшим. Сочувственную грамоту св. Иона отправил и к Константинопольскому патриарху Геннадию Схоларию с оповещением о посылке Греческой Церкви великокняжеских даров. При этом митрополит писал: «За те наши малые поминки на нас не помолви, ибо, Господине, по грехом, и наша земля от поганства и междоусобных браней весьма истощала и истомилася»¹. В 1464 году преемник св. Ионы, митрополит Феодосий, обращался к новгородцам с призывом оказать помощь пострадавшим единоверцам-грекам. Тогда же патриарх Иерусалимский Иоаким направился в Россию для сбора пожертвований на восстановление святого храма над Гробом Господним, сильно поврежденного землетрясением. Патриарх не достиг России, скончавшись в пути.

В XVI веке особенно щедрой была благотворительная деятельность России в отношении греческого Востока при Иване Грозном (1533—1584). Греческая Церковь переживала в то время весьма тяжелый период материальных затруднений, как это видно из просительных грамот константинопольских патриархов к русскому царю. Так, в гра-

¹ А. Н. Муравьев, Сношения России с Востоком по делам церковным, СПб, 1858, ч. I, стр. 2—4.

моте патриарха Дионисия II (1537, 1545—1555) говорилось: «Ныне мы находимся в тесноте, патриарший монастырь вместо каменной стены огражден досками, и мы оттого всегда в обиде у безбожных. Не имеем мы ни келлий, ни масла деревянного для лампад, и если хочешь ты (обращение к Иоанну Грозному) быть создателем Великой Церкви, сотвори сие по любви твоей...» Патриарх Митрофан III (1565—1572, 1579—1580) в своей грамоте к Грозному жаловался на бедственное состояние и даже нищету Константинопольской Патриархии. Он доносил русскому государю, что уже 50 лет не происходило мирования в Константинополе и просил оказать помощь, «чтобы составить сие великое миро»². Повидимому, бедность Патриархии тогда достигла крайней степени.

На каждое обращение греческих иерархов Русское правительство откликалось посылкой богатых даров. Наиболее значительную материальную помощь оказал Иван Грозный восточным церквям в начале и в конце своего царствования.

Приняв царский титул от русского первоиерарха митрополита Макария, Иван Васильевич решил получить санкцию и от первосвященителей Православного Востока. Если после падения Константинополя Москва оказалась столицей единственного в мире православного государства, стала «Третьим Римом», то особое значение приобретал в православном мире и глава этого государства. К московскому царю должно было перейти значение византийских базилиевсов вместе с титулом. В качестве царского посла был отправлен с ценными подарками в Константинополь суздальский архимандрит Феодорит. В царской грамоте к патриарху (Иоасафу) между прочим сообщалось о взятии Казанского и Астраханского царств и при этом добавлялось: «и мы желательно желаем, дабы и вы от Бога получили милость, как чашу, исполненную растворения»³. Феодорит выполнил возложенную на него миссию. В привезенной им грамоте патриарх благодарит царя за доставленные им подарки, которые были предназначены на сооружение ограды патриаршей церкви и на ремонт самого храма. Вместе с тем патриарх приветствует венчание Ивана Васильевича на царство, обещает созвать собор по поводу венчания и прислать соборную грамоту.

Тогда же в Москву прибыли два инока из Синайского монастыря с грамотой от Александрийского патриарха Иоакима. В этой грамоте к царю патриарх заявляет, что восточные святители, угнетаемые «хладом и мерзостью студенной зимы неверных, ожидают сладчайшего лета и умирения себе от кроткого его царства». Грамота была подписана двумя святителями: патриархом Иоакимом Александрийским и Макарием, архиепископом Синайским⁴.

В 1562 году в Москву прибыл давно ожидаемый представитель Константинопольского патриарха, митрополит Евгринский Иоасаф с патриаршей грамотой. Патриарх Иоасаф извещал царя Ивана, что с согласия находившихся в Константинополе митрополитов, архиепископов и епископов он предоставляет царю Ивану право именоваться царем. Грамоту подписали: сам патриарх Иоасаф, тридцать один митрополит, один архиепископ и четыре епископа.

Во второй грамоте, носившей уже частный характер, патриарх Иоасаф благодарит царя Ивана за присланную помощь и подробно перечисляет, на какие цели именно она была израсходована: ремонт патриаршей церкви и учреждение училища для подготовки клириков.

² А. Н. Муравьев, указ. соч., ч. I, стр. 72, 109, 124.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 89—90.

В конце XVI века сношения Русской Церкви с Православным Востоком приняли особенно оживленный характер в связи с учреждением в России патриаршества. Поскольку Москва после падения Константинополя приобрела исключительно важное значение в православном мире, она должна была принять и соответствующие знаки церковного достоинства. В Москве рядом с царем должен был находиться и патриарх. Мысль об этом вполне созрела в сознании русского правительства, и нужен был только повод для ее осуществления.

В июне 1586 года в Москву прибыл Антиохийский патриарх Иоаким. Царь Федор Иванович поспешил использовать его приезд, чтобы решить вопрос об учреждении в Москве патриаршего престола. Он направил к Иоакиму своего шурина Бориса Годунова, который от имени царя и боярской думы просил патриарха снестись с Константинопольским патриархом и остальными восточными первосвященниками, а также с синайскими и афонскими властями по поводу желания русских иметь в Москве патриаршую кафедру. Выслушав Годунова, патриарх Иоаким одобрил намерение Московского правительства, но заявил, что просимое, как дело великое, относится к компетенции собора, а он только обещает посодействовать созыву собора и оповестить об этом Афон и Синай.

В 1588 году в июле в Москву прибыл сам Константинопольский патриарх Иеремия в сопровождении Монеувасийского митрополита Иерофея и Элассонского архиепископа Арсения. Через неделю после прибытия он был принят царем. На приеме патриарх жаловался Борису Годунову на свое шаткое положение и на крайнюю материальную нужду. Он рассказал, что по пронкам врагов он был низложен султаном и отправлен в заточение на остров Родос, где томился в течение четырех лет. В это время на патриаршество был поставлен без согласия епископов некто Феопит. Через четыре года Феопит был отставлен и на патриаршество восстановлен снова Иеремия, который застал дела патриархии в крайне запущенном состоянии. Сама патриаршая церковь была обращена в мечеть, и Иеремии предложено соорудить себе церковь на новом месте. Но для этого в патриаршей казне средств совершенно нет. В Москве ожидали, что патриарх Иеремия привез решения восточных патриархов по делу учреждения на Руси патриаршества. Между тем проходили дни и недели, а Иеремия хранил упорное молчание и стал было уже собираться в обратный путь. Тогда к нему явился Борис Годунов и на том основании, что патриарх терпит притеснения от турецких властей, предложил ему остаться патриархом на Руси с местопребыванием во Владимире. Иеремия согласился остаться на Руси патриархом, но возражал против пребывания во Владимире, а не в Москве, «ибо,— говорил он,— патриарх всегда бывает при царе, а что же это за патриаршество, когда жить вдали от своего государя?»⁵. Но если оставить Иеремию в Москве, то нужно было перевести на другую кафедру митрополита Иова, чего московское правительство делать не желало. Кроме того, патриарх Иеремия, как грек, не знал русского языка и с ним приходилось разговаривать только при помощи переводчика, что не всегда было удобно. Тогда царь и бояре решили просить Иеремию поставить в патриарха Московского и всея Руси русского митрополита. Оснований для отказа у Иеремии не было. Принципиально возражать против учреждения патриаршества в России он не мог, так как сам соглашался быть русским патриархом с проживанием в Москве. И Иеремия благословил «избрать патриарха в Российское государство от своих митрополитов по чину церковному».

⁵ А. Н. Муравьев, указ. соч., стр. 201.

19 января 1589 года в Москве собрался «великий духовный собор всего Российского царства», на который приглашен был и патриарх Иеремия со своими спутниками. Собор избрал патриархом митрополита Московского Иова. 26 января с необычайной торжественностью происходила интронизация первого русского патриарха. Константинопольский собор 1593 года признал законность учреждения в Москве патриаршества и отвел Московскому патриарху пятое место в ряду других восточных патриархов. На Константинопольском соборе присутствовали три патриарха: Константинопольский Иеремия, Антиохийский Иоаким, Иерусалимский Софроний. В состав собора входили 42 митрополита, 19 архиепископов и 20 епископов.

В Москве были недовольны постановлением Константинопольского собора, который отвел Московскому патриарху последнее, пятое место. Сам Вселенский патриарх Иеремия во время своего пребывания в Москве высказывал мысли о преимуществах русского благочестия и рассматривал Москву, как центр Вселенского Православия. Поэтому московские люди хотели, чтобы новый собор пересмотрел решение собора 1593 года и повысил Московского патриарха, по крайней мере, на третье место. С этой целью через возвращавшегося из России Тырновского митрополита Дионисия были отправлены царская и патриаршая грамоты ко всем восточным патриархам⁶. Однако решение Константинопольского собора 1593 года осталось неизменным.

Материальная и моральная помощь Православному Востоку со стороны России при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове была, как и прежде, весьма значительной. В это время установились особенно тесные отношения между Русской Церковью и Церковью Александрийской, патриархи которой Мелетий Пигас (1586—1601) и Кирилл Лукарис (1602—1620) проявили большую заботу о защите Православия в юго-западной Руси против натиска латинян. В период с 1592 по 1600 год Мелетий Пигас направил целый ряд посланий Константину Острожскому, Львовскому братству и всем православным западной Руси с обличением и осуждением унии и с просьбой твердо хранить Православие. В 1594 году Мелетий послал в юго-западную Россию своего протосинкелла Кирилла Лукариса, который занял здесь должность ректора Острожского училища и следил за религиозными спорами между православными и латинянами. На Брестском соборе он присутствовал в качестве экзарха патриарха Александрийского, участвовал в прениях и в посылке протеста к митрополиту Михаилу Рогозе, угрожая ему и другим изменникам судом. В своих письмах к Московскому царю Мелетий советует учредить в Москве греческое училище. Такой же ревностной заботой о сохранении православной веры на Руси отмечена деятельность преемника Мелетия, Кирилла Лукариса, хотя в его время Восточная Церковь переживала большие бедствия.

III

Начало XVII века в истории Греческой Церкви было особенно мрачным. В это время на Православном Востоке столкнулись два соперника в борьбе за преобладание: католицизм и протестантство.

Первый из них — католицизм издавна вел наступательное движение против Православия на Востоке, пытаясь окатоличить восточных христиан. Вскоре после отпадения Западной Церкви от Вселенской начинаются известные в истории «крестовые походы». Затем Римская курия стремится навязать Греческой Церкви унию. После захвата Константинополя турками обстановка на Востоке изменилась. Прежние

⁶ А. Н. Муравьев, указ. соч., стр. 248—264.

методы военной агрессии и церковной унии оказались непригодными. Папству приходилось прибегать к новым приемам для распространения своего влияния среди восточных стран. Рим стремится теперь при помощи католических послов возвести на Константинопольский патриарший престол своего ставленника путем подкупа турецких властей. Те же приемы применяли послы протестантских стран (Голландии, Англии, Германии), пытавшиеся иметь на вселенской патриаршей кафедре своего кандидата. Турецкое султанское правительство заинтересовано было в одном: получить возможно больший пескезий, или плату за утверждение в патриаршем достоинстве того или другого выдвигаемого кандидата. В результате Константинопольский патриарший престол стал предметом купли и продажи в глазах борющихся партий. Что касается православных греков, то без средств, без посторонней поддержки они не могли конкурировать со своими противниками — католиками и протестантами, которые действовали под покровительством своих правительств. В поисках выхода из затруднительного положения восточные иерархи попрежнему обращали свои взоры на единовенную Россию.

В царствование Михаила Федоровича (1613—1645) и Алексея Михайловича (1645—1676) в Москву направлялось за материальной помощью множество самых разнообразных представителей из всех стран Православного Востока. Между ними мы встречаем патриархов, митрополитов, епископов, настоятелей монастырей, игуменов, простых иноков, священников и мирских лиц, и все они никогда не возвращались с пустыми руками.

Большие средства тратились на приобретение святынь, приносимых на Русь с Востока. Русское правительство считало своей прямой и священной обязанностью сохранить восточные святыни от опасности уничтожения неверными, а потому старалось переместить их в Москву, не жалея на это никаких затрат. Сосредоточение христианских святынь в Москве давало русским основание с большей уверенностью смотреть на свою столицу, как на центр вселенского Православия.

Трудно определить размеры материальной помощи, которую оказывала Православная Русь единовенным народам Востока в XVII веке. До конца этого столетия не встречается следов, позволяющих определить, сколько приблизительно израсходовано на восточных просителей за какой-нибудь год или за несколько лет. Благотворя без счета, правительство и Русская Церковь не интересовались и тем, куда и как расходуется просителями получаемая помощь, которая была очень немалой.

Только в 1735 году последовал императорский указ об учреждении так называемых Палестинских штатов. Штаты с точностью определяли, какие епископы, церкви и монастыри и в какое время могли посылать в Россию своих представителей и какую помощь можно было им оказывать.

В Палестинские штаты вошли: 4 патриарха, 9 митрополитов и епископов и 48 монастырей. Материальная помощь им полагалась неодинаковая, но она была не меньше той, которая существовала до введения штатов. Впрочем, система штатов просуществовала недолго и с середины XVIII века установился прежний порядок благотворения Православному Востоку.

Принимая помощь от Православной России, иерархи восточных церквей с своей стороны всегда были готовы откликнуться на нужды Русской Церкви и братски содействовать ее благоустройству. Это особенно наглядно проявилось в период столкновений между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Когда в 1663 году русское правительство отправило к вселенским патриархам 25 вопросов о власти царской и патриаршей, то все восточные первосвятители по-

спешили дать ответ на основании соборных и церковных постановлений. В 1666 году патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий присутствовали на русском поместном соборе, а в 1667 году они издали ряд постановлений, касавшихся благоустройства Русской Церкви и устранения разных злоупотреблений. Тогда же они убеждали царя и русских иерархов завести греческие и славянские училища.

IV

В XVIII и XIX веках Русская Православная Церковь продолжала оказывать восточным церквям самую широкую братскую помощь. Эта помощь выражалась теперь не только в материальной поддержке восточных патриарших кафедр, но и в содействии им в деле поднятия духовного просвещения среди местного населения и клира и улучшения разных сторон церковной жизни. Особенно большие заботы были проявлены Русской Церковью о благосостоянии братских церквей Востока в период святительства митрополита Московского Филарета. Под его влиянием и при его непосредственном участии на протяжении почти целого полувека разрешались все важнейшие вопросы и затруднения, которые возникали в восточных церквях.

Преимущественное внимание русский святитель уделял Константинопольской Церкви, которая в середине XIX века переживала большие нестроения. Эти нестроения были вызваны целым рядом преобразований в управлении и устройстве Константинопольской патриархии, проводимых на основании султанского указа 1856 года. Некоторые из намечаемых преобразований (учреждение при Патриархии постоянного народного смешанного Совета в составе 7 духовных и 21 светских лиц, новый порядок избрания патриарха и епархиальных архиереев, изменения в составе Синода, назначение духовенству жалованья) нарушали коренные постановления и права Греческой Церкви и грозили ей в будущем большими бедствиями. Желая избавить многострадальную вселенскую кафедру от новых испытаний, московский святитель решительно осудил те нововведения, которые не согласны были с духом Православия, нарушали издревле установившийся в Церкви порядок и унижали достоинство греческих иерархов.

Немало забот приложил далее митрополит Филарет к умиротворению греко-болгарской распри. Предвидя печальные последствия этого столкновения, мудрый архипастырь стремился, с одной стороны, склонить Вселенскую патриархию к уступчивости в пользу болгар, а с другой — удержать последних в рамках канонических действий.

Не остались вне поля зрения московского святителя и многие другие запросы Константинопольской Церкви. Так, по поручению Св. Синода, митрополит Филарет тщательно рассмотрел устав 1852 года Халкинской богословской школы, открытой в 1844 году для подготовки высших и низших клириков Греко-Восточной Церкви. В этом уставе мудрый критик нашел наряду с положительными сторонами и много недостатков. Надо заметить, что суждения московского святителя с большой пользой и благодарностью были приняты во внимание составителями нового, третьего по счету устава Халкинской школы (1867), действующего до настоящего времени с некоторым изменением. В 1867 году митрополит Филарет писал обер-прокурору Св. Синода о материальной скудости Вселенской патриархии и об оказании ей финансовой помощи. Тогда же он рекомендовал для постоянных сношений с Константинопольской Церковью установить особую должность поверенного по духовным делам в Константинополе от Русской Церкви⁷.

⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1886, стр. 158 и 172.

Горячо отзывался митрополит Филарет и на нужды прочих восточных церквей. По его инициативе и его стараниями в Москве были открыты подворья Александрийское, Антиохийское и Иерусалимское, которые должны были оказывать материальную поддержку своим церквям и содействовать тесным связям их с Русской Православной Церковью. На каждый запрос той или другой Восточной Церкви или отдельных иерархов великий святитель немедленно откликался своим мудрым советом или помощью. Он был как бы звеном, соединяющим восточные церкви с Русскою, и своим незыблемым авторитетом скреплял взаимную любовь и уважение. «Восточная Церковь всегда будет признательна к нему и с хвалой и честью поминать его имя, так как при нем не только развились сношения церквей и с братской любовью обменивались мыслями для установления благостояния Божиих церквей, но везде и всегда Филарет был как второй представитель Востока в России, щедрый благодетель и неутомимый защитник прав святых мест»⁸.

Со второй половины XIX века участие Русской Православной Церкви в делах восточных церквей проявлялось в распространении просвещения среди христианских подданных Турции, которые были почти сплошь неграмотны. Задача эта первоначально возложена была на Русскую Православную Миссию, основанную в 1847 году, а затем на Православное Палестинское Общество. Палестинское Общество имело основной целью защищать на Ближнем Востоке Православие против инославной пропаганды и оказывать содействие русским паломникам, посещающим святые места. В осуществление этой цели Общество строило в Палестине и Сирии подворья, гостиницы, больницы, храмы и школы. Просветительная деятельность Общества была особенно значительна. За 35 лет своего существования в революционный период Общество открыло: 20 школ в Галилее, в том числе одну учительскую семинарию, три двухклассных и 15 одноклассных — мужских и женских; 6 — в Иудее, из них одну женскую учительскую семинарию, 3 — двухклассных и 1 — одноклассную; 5 народных школ в Бейруте; 50 школ в Южной Сирии, из них 29 — двухклассных и 21 — одноклассных и 22 школы в Северной Сирии, из них 15 двухклассных и 7 одноклассных. Таким образом, Палестинское Общество устроило и содержало на свои средства 103 школы в Палестине и Сирии. Учительский персонал школ состоял частью из русских, частью из арабов. Обучение велось на арабском языке, но и русский язык был одним из обязательных предметов обучения.

В своей просветительной деятельности Общество никогда не преследовало политических идей и не имело в виду какой-либо пропаганды. В основе его работы лежало единственное стремление защитить православных арабов от инославных влияний.

Но едва ли не самой существенной стороной деятельности Общества была его научная работа. В ней приняли участие все крупнейшие ученые своего времени, проявившие интерес к изучению стран Ближнего Востока. Исследовательская активность членов Общества нашла свое отражение в широкой издательской деятельности. С основания Общества отдельными выпусками выходил «Палестинский сборник», а с 1891 года ежегодно выпускались «Сообщения Палестинского Общества».

Мы не будем перечислять все другие каналы, по которым осуществлялась связь Русской Церкви с православными церквями Востока и по которым оказывалась русскими помощь единоверным восточным братьям. Можно сказать лишь одно, что Русская Церковь и русский

⁸ Филаретовский сборник, т. II, 1883, стр. 6. Из речи архиепископа Никодима Фаворского от лица восточных святителей от 9 января 1883 г.

народ никогда не забывали о тяжелой участи восточных христиан и всегда готовы были оказать братскую помощь восточным церквям. Отсюда понятным становится постоянное тяготение православных восточных народов к нашей великой Родине.

Вот как, например, описывает настроения сирийцев глава первой русской миссии на Востоке епископ Кирилл Мелитопольский в своих заметках: «Я не боюсь утверждать, что весь этот народ живет только верою в Россию, надеждою на Россию. Он убежден, что престол Православия только в России, туда и обращает он свои взоры»⁹. То же отмечал позднее у православных сирийцев Хитрово: «Есть еще одна у них отличительная черта, которая немало меня поражала...— беззаветная любовь, мало любовь, вера в Россию. Для православных сирийцев Россия представляется каким-то отдельным мифическим олицетворением всего хорошего, светлого, могущественного, через посредство которого когда-то наступит для них золотой век».

А. Иванов,

профессор Моск. дух. академии

(Окончание следует)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И АНГЛИКАНСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Православная Церковь, как верная хранительница христианской истины, с давних пор привлекала к себе взоры последователей отделившегося от Рима англиканского вероисповедания. О многочисленных случаях поездок его представителей на Восток и переговорах о соединении, которые здесь проводились, мы найдем неоднократные сообщения в богословской литературе. Но, можно сказать, в наиболее оживленную фазу отношения между англиканством и Православием вступили за последние десятилетия, протекавшие со времени окончания первой мировой войны.

Необходимо отметить, что интерес к Православию и тяга к сближению с ним обнаружили за тот же период не только в англиканстве, но и во всем протестантском мире. Причину этого можно усматривать в неудовлетворенности принципом субъективизма, который характерен для всех течений протестантского направления, и вытекающими отсюда поисками твердых основ веры, завещанных древнею неразделенною Церковью, прямою преемницей которой является Православие.

Еще в первом десятилетии XX века Святейшим Синодом Русской Православной Церкви была образована комиссия в составе виднейших богословов для обсуждения пунктов разногласия с англиканским исповеданием; но первая мировая война положила конец этому начинанию.

В 1920 году Константинопольской патриархией была послана специальная делегация на Ламбетскую конференцию в Лондон. Эта конференция обратилась с воззванием об объединении ко всему христианскому миру, а в 1922 году многочисленная группа англиканских клириков, из которых значительная часть принадлежала к носителям епископского сана, издала «Декларацию», или «Исповедание веры», в котором заявлялось, что 39 членов англиканского исповедания (составленных в духе протестантизма) имеют значение лишь постольку, поскольку они согласуются с учением всей Вселенской Церкви; далее здесь изложены близкие к Православию мысли о значении Св. Писания и Св. Предания, об авторитете вселенских соборов, седмичном числе таинств и особо о харизматическом значении таинства священства, о пресуществлении

⁹ Труды Киевской дух. академии, 1899, II, стр. 943—945.

хлеба и вина в Тело и Кровь Господа в таинстве Евхаристии и о почитании Приснодевы Марии, святых угодников и икон.

В связи с содержанием этой Декларации Синод Константинопольской Патриаршей Церкви в том же году признал законность англиканской иерархии и наличие в ней апостольского преемства благодати, о чем Константинопольский патриарх Мелетий Метаксас специальной энцикликкой известил Архиепископа Кентерберийского и представителей православных церквей Востока.

В 1923 году такое же признание последовало со стороны Иерусалимского патриархата, а в 1930 году, после дискуссий в Ламбетском дворце между делегацией Александрийской Церкви и представителями англиканства, со стороны Александрийской патриархии.

В 1931 году во исполнение резолюции Ламбетской конференции о сближении с Православием была образована смешанная Комиссия, проводившая свои заседания в Ламбетском дворце Архиепископа Кентерберийского. Православную Церковь представляли: уполномоченные патриархов Константинопольского, Иерусалимского, Антиохийского, церквей Кипрской, Эллинской, Румынской, Сербской и православной Польской. Церкви Болгарская и Русская представлены не были. Со стороны Англиканской Церкви присутствовали епископы, священники, каноники и профессора богословия.

Комиссия поставила своей задачей рассмотрение пунктов вероучения, по которым существует различие или согласие между Православием и англиканством, а также о взаимном допущении к таинствам, в случае настоятельной необходимости.

В результате совместных обсуждений источниками Божественного Откровения признаны Священное Писание и Священное Предание Церкви; этим последним восполняется, объясняется и истолковывается Священное Писание. Под Священным Писанием Комиссия разумела канон, определенный св. Афанасием и принятый всей Кафолической Церковью. Под Священным Преданием признаны «истины, которые исповедуются единодушно и постоянно в неразделенной Церкви и Которым Церковь учит под руководством Духа Святаго... Хотя они два — Писание и Предание — могут быть логически определены и различены, но в действительности они не могут быть отделены друг от друга и от Церкви».

В качестве исповедания Кафолической Церкви Комиссия согласно именует Никео-Цареградский символ веры, окончательно утвержденный на Халкидонском соборе, но считает допустимым употреблять в качестве крещального какой-либо другой символ, соответствующий Преданию Церкви, например, Апостольский символ.

Внесенную Западной Церковью прибавку к символу *Filioque* («и Сына») комиссия, в соответствии с решением старокатолической Боннской конференции 1875 года, признала незаконной, но, отметая всякое утверждение о наличии в Божественной Троице двух начал, сочла допустимым в качестве частного богословского мнения учение Иоанна Дамаскина и некоторых более ранних восточных Отцов о том, что Дух Святой исходит от Отца чрез Сына (*per filio*).

По вопросу о таинствах представители Англиканской Церкви заявили, что два таинства — Крещение и Евхаристию — они считают первенствующими над прочими, что касается остальных — Священства, Покаяния, Миропомазания (или Конфирмации), Брака и Елеосвящения, — то, хотя к ним в Книге Общих Молитв специального термина «таинство» (*μυστήριον*, *Sacramentum*) не применяется, однако и эти священнодействия считаются сообщающими под внешним знаком внутреннюю духовную благодать, и потому они также могут быть названы таинствами.

В отношении способа совершения таинств допустимы различия обычаев и обрядов при условии неизменности существенной стороны

таинства. А по вопросу о взаимном допущении к таинствам вынесено пожелание, чтобы этот пункт, а также и ряд других, связанных с ним, как можно скорее был поставлен на рассмотрение синодов англиканского исповедания и Святой Православной Церкви.

В заключение Комиссия отмечает, что, хотя и не все нужные вопросы были рассмотрены, не все различия между исповеданиями устранены, все же достигнуто согласие во многом основном. Для общения в таинствах необходимо единство веры; какая степень расхождения может быть признана допустимой и законной, этот вопрос может быть решен только святым Собором Православной Церкви и Конвакациями и синодами или церковными собраниями англиканского исповедания.

Дальнейшая встреча для обсуждения вопроса о взаимоотношении церквей имела место на конференции в Бухаресте во дворце патриарха Румынского с 1 по 8 июня 1935 года. В задачу этой конференции было поставлено рассмотрение результатов встречи православных и англикан на Ламбетском съезде 1930 года. Переговоры носили официальный характер. В состав делегаций той и другой сторон входили епископы и профессора богословия. Дискуссии были подвергнуты вопросы: о доктринальном значении 39 членов англиканского исповедания, о таинстве священства, о законности и апостольском преемстве англиканской иерархии, о св. Евхаристии и других таинствах, о Священном Писании и Священном Предании, об оправдании.

«39 членов», по заявлению англиканской делегации, «должны быть истолкованы в согласии с книгой «Молитвенник», и, таким образом, их надо рассматривать как документ, подчиненный Молитвеннику».

О св. Евхаристии, по предложению румынской делегации, принято учение о том, что в этом таинстве «хлеб и вино претворяются освящением (μεταβολή) в Тело и Кровь нашего Господа» и пребывают такими «так долго, как существуют эти евхаристические элементы, и тот, кто получает хлеб и вино Евхаристии, истинно причащается Тела и Крови нашего Господа». Признано также жертвенное значение Евхаристии.

О прочих таинствах той и другой делегациями согласовано, что «Крещение и св. Евхаристия — первое, как вводящее нас в Церковь, второе, как приобщающее нас Христу и через Него с Невидимую Церковь, — возвышаются среди Божественных таинств. Мы согласны, что, как Священное Писание и Предание свидетельствуют в своих источниках, Конфирмация, Отпущение грехов, Брачное благословение, Св. Рукоположение и Помазание болящих имеют в себе также таинства, в которых, при отправлении внешне видимых признаков, снисходит невидимая духовная благодать».

Священное Предание единодушно признано делегациями источником Откровения, дополняющим, объясняющим и истолковывающим Священное Писание под руководством Святого Духа, пребывающего в Церкви. Под Священным Преданием Комиссия подразумевает истины, ведущие начало от Господа и апостолов и выраженные в определениях св. Соборов, в учении Отцов и исповедуемые единодушно неразделенною Церковью.

Об оправдании принято определение, что оно совершается усвоением Искупительной жертвы Господа Иисуса Христа через веру и добрые дела при посредстве Церкви и св. таинств.

Рассмотрев доклады англиканской комиссии о том значении, которое придается Англиканскою Церковью епископскому рукоположению и апостольскому преемству благодати, румынская делегация приняла единогласное решение — рекомендовать Священному Синоду Румынской Церкви признать действительность англиканской иерархии.

В заключение Румынская комиссия отметила, что в переговорах достигнуто предварительное соглашение по основным вопросам вероуче-

ния, чем подготовлен «прочный фундамент для догматического соглашения между православными и англиканскими церквями», и выражается надежда на то, что рекомендации комиссии будут приняты другими православными церквями.

В мае 1940 года состоялась в Софии встреча представителей Болгарской Церкви, возглавлявшихся митрополитом Софийским Стефаном, с англиканской делегацией во главе с епископом Глоучестерским. Здесь рассматривался один вопрос — о законности англиканского рукоположения.

Представители Англиканской Церкви заявили, что они признают священство таинством в таком же смысле, как и св. Евхаристию, что в этом таинстве через рукоположение сообщаются дары Святого Духа для служения в соответствующем сане — епископа, пресвитера или диакона, что для сообщения этих даров необходимо апостольское преемство и что изложенное учение разделяется всею Англиканскою Церковью.

Представители Св. Синода Болгарской Церкви приняли как исторический факт непрерывное апостольское преемство в Англиканской Церкви.

В описанных встречах православных с англиканами не было слышно голоса Русской Православной Церкви, поэтому, несмотря на многостороннее содержание проводившихся дискуссий и общий положительный характер достигнутых результатов, полученные выводы никак не могли считаться окончательными и общепризнанными всею Православною Церковью, чем сильно понижалась их ценность.

Важность участия Русской Православной Церкви в разрешении проблемы взаимоотношений глубоко ощущали и руководители англиканского исповедания, что нашло выражение во многих обращениях и актах. Так, в 1947 году Архиепископ Кентерберийский в своем послании к Святейшему Патриарху Московскому Алексию, описав историю переговоров с восточными церквями в послевоенный период, просит образовать комиссию в составе ученых богословов той и другой сторон для обсуждения вопроса о законности и действительности англиканской иерархии. Этот вопрос и был поставлен на Московском совещании глав и представителей православных церквей в 1948 году, созванном по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Обсуждение его получило весьма широкую постановку. В представленных на заседаниях докладах и в личных выступлениях делегатов от многих церквей помимо данного вопроса были освещены и другие важнейшие проблемы взаимоотношений Православия с англиканским исповеданием. В итоге совещание в своей резолюции отметило, что признание действительности англиканской иерархии может основываться только на единстве веры с Православием, которое должно быть утверждено руководящими органами Англиканской Церкви и, в частности, на принятии правильного учения о таинстве священства и всех вообще таинствах. «При установлении такого вождельного единства признание действительности англиканских хиротоний может быть осуществлено по принципу Икононии единственно авторитетным для нас соборным решением всей Святой Православной Церкви. Мы молимся о том, чтобы сие, по неизреченной милости Божией, совершилось и чтобы Господь даровал духа любви и благоволения, подвигающего на благие труды во славу Его Святой Церкви»¹.

В следующем году Архиепископ Кентерберийский послал Главе Русской Православной Церкви приглашение прибыть лично или прислать представителей на открытие Ламбетской конференции, чем выражалось, по словам письма, особое уважение к Русской Православной Церкви.

¹ Деяния Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей, т. II, М., 1949, стр. 432.

В ответе Святейшего Патриарха Алексия было выражено твердое пожелание, чтобы братские узы, которыми связаны были Русская и Англиканская церкви в прошлом, еще более укреплялись в будущем.

В 1949 году Архиепископ Кентерберийский вновь обратился к Патриарху Московскому с посланием, в котором, подводя итоги переговорам с другими православными церквями, выдвинул основой для объединения те пункты, на которых установлен был *intercommunion in Sacris* у англикан со старокатоликами в 1932 году. Эти положения допускают общение в таинствах при наличии согласия в существенных пунктах вероучения, но с допущением свободы в научных мнениях и в литургической практике. С посланием Глава Англиканской Церкви препроводил специальные книги, в которых освещаются особенности жизни и истории Англиканской Церкви.

Непосредственная встреча между представителями Русской Православной Церкви и Англиканской состоялась в июле 1955 года в Ламбет-Паласе Архиепископа Кентерберийского. Русскую Православную делегацию возглавлял Митрополит Минский и Белорусский Питирим, Англиканскую — епископ Дургамский. Эта конференция имела своей задачей наметить план для будущей богословской дискуссии; попутно на ней подвергнуты были обсуждению наиболее важные вопросы вероучения и церковной практики: о «39 членах», содержание которых не согласимо с православным учением, о *Filioque*, о таинствах, об участии мирян в решении церковных вопросов и ряд других.

Епископ Дерби в своем выступлении заявил, что «39 членов» являются документом, ограниченным своей датой и временем, ... что в настоящее время его толкуют в свете «Молитвенника» (*Prayer Book*) и «Ординала» и что в Англиканской Церкви есть провинции, расположенные за пределами Великобритании, в которых на «39 членов» уже не смотрят как на авторитетный документ».

Добавление *Filioque* к Символу, по словам епископа Дургамского, англикане склонны оценивать как «церковную неточность». Но это дополнение не выражает того, что в Божественном Естестве признаются два начала; вместе со св. Иоанном Дамаскиным англикане выражают этою прибавкою веру в исхождение Святого Духа от Отца через Сына и в этом они не видят какого-либо уклона в ересь.

Что касается учения о таинствах, то в англиканском исповедании утверждается, что два таинства — Крещение и Причащение, установленные Господом, считаются основными и необходимыми для спасения; что касается остальных — Конфирмации, Священства, Брака, Отпущения грехов, Соборования, — то, хотя нет официального документа, определяющего их как таинства, но «о них часто говорят как о таинствах члены Англиканской Церкви всех разветвлений».

На совещании далее затронут был вопрос об участии мирян в церковной жизни; обе стороны высказались в том смысле, что хотя дискуссии должны вестись экспертами-богословами, но и миряне, проявляющие широкий интерес к переговорам, выражают свое отношение к принятым решениям согласием с ними или отрицанием их.

В итоге выработана была повестка дня богословской конференции, которая должна состояться в Москве в июле 1956 года. На обсуждение поставлены следующие темы: 1. Вопрос о доктрине и мнении. 2. Священное Писание и Священное Предание, Символ Веры и Соборы. 3. *Filioque*. 4. Сущность Церкви. 5. О таинствах и особое учение о св. Евхаристии. 6. Об обрядах Православной Церкви.

М. Виноградов,
кандидат богословия

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЕРБСКОЙ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

В тяжелых трудах и испытаниях выросла и окрепла Сербская Православная Церковь. Великими подвигами своих прославленных исповедников и кровью мучеников она утвердилась в жизни и сердцах верующих людей нынешней Югославии. На всем своем протяжении история Сербской Церкви тесно связана с историей становления сербской народности и борьбы сербов за сохранение своей самобытной культуры и политической независимости. Многие события седой старины и сравнительно недавнего прошлого сближают историю Сербской и Русской православных церквей.

*
* *

Территория нынешней Федеративной Народной Республики Югославии — в составе народных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории — была заселена славянскими племенами еще в VI—VII веках. Все новопоселенцы принадлежали к сербской языковой группе.

Основная группа сербов заняла территорию бывших римских провинций Иллирии и Мизии, находившуюся в составе Византийской империи; рядом с ними поселились босняки и герцеговинцы. Хорваты остановились в прилегающем к Адриатическому морю районе. Словены разместились близ юго-восточной линии нынешней австро-югославской границы. Македонские плодородные долины и возвышенности также были заселены сербскими славянами. Часть племен поднялась и осела в малопроходимых районах Черногории. Небольшие группы сербов расселились между греками на узкой приадриатической полоске Далмации. В силу многих причин дальнейшие исторические судьбы отдельных сербских племен на ряд столетий разошлись; слились же в единый жизненный поток уже на памяти наших поколений. Этому слиянию в значительной мере способствовали неустанные, на протяжении веков, патристические труды Сербской Православной Церкви.

*
* *

Первое крещение племен сербской группы произошло в VII веке при Византийском императоре Ираклии (610—641 гг.), причем в этот период оно коснулось лишь относительно небольшой части сербов и хорватов¹.

¹ И. Пичета, Очерк истории Православной Сербской Церкви, «Православное обозрение» за январь 1870 г., стр. 86—102.

Зато IX век — незабвенное время трудов свв. Кирилла и Мефодия — вносит свет восточно-христианской веры в широчайшие массы южных славян. Пока мы твердо не знаем, какова была степень непосредственного участия великих славянских первоучителей в деле христианизации сербов, но самый факт обращения в Православие подавляющего большинства сербов неоспорим.

Довольно скоро вероисповедные судьбы южных славянских народов расходятся и вместе с этим расходятся и пути их политической жизни. Основные массы сербов твердо сохраняли восточное Православие. Сербский язык еще и сейчас весьма сходен со славянским богослужебным языком. Между тем латинский Рим задолго до разделения церквей стал проявлять антиславянскую экспансию, прежде всего, конечно, в районах своей церковной юрисдикции. Так, уже в 925 году папа запретил поставление для Далмации священников, служащих на славянском языке. Вторая половина XI века принесла новые глубоко прискорбные события. В 1059 году папа Александр II окончательно отменил богослужение на славянском языке, а все книги, написанные на этом языке, объявил еретическими. Через 15—16 лет последовало юрисдикционное поглощение Римом Хорватской Церкви, а в 1097 году хорватские земли были захвачены Венгрией. В 1062 году на сторону Рима склонился первосвященитель сербов митрополит Петр. В стране стало усиливаться католическое влияние. Однако в народные толщи сербов ему проникнуть не удалось. Здесь имели значение относительная близость Константинополя и — отнюдь не в меньшей степени — яркий свет истинно православного благочестия Святой Афонской Горы. Многие сербы навсегда поселились в афонских монастырях; другие, укрепившись там в духовной жизни, возвращались на родину и пополняли ряды самоотверженных поборников Православия.

Именно на Афоне в XI веке началось прямое общение сербов с русскими, перешедшее потом в тесную дружбу во Христе. Монастыри смешанного в национальном отношении иноческого состава, как Карея, Ксиропотам, Есфигмен и другие, а также обители сербские, во главе с Хиландаром, русские (существовавший с первой половины XI века монастырь Ксилургу², позже — Пантелеймоновский и др.) и Иверский грузинский монастырь³, были местами иноческого межнационального сожителства и паломнических встреч.

В истории Русской Церкви период с конца XI до начала XIII века был временем укрепления церковного единства и значительного роста влияния Церкви на все стороны народной жизни. «Латинскому» иноверию вход в пределы Руси был наглухо закрыт. Иным было в этот период положение Православия у сербских народностей.

Чрезмерные и неоправданные стремления греческих императоров подчинить себе при посредстве Константинопольской патриархии сербские племена путем их церковной эллинизации привели к усилению на некоторых сербских землях латинского влияния. В Боснии и Герцеговине католичество укрепилось в значительной степени, а Хорватию, Словению и Далмацию оно охватило почти полностью; в Православии держались лишь немногие общины⁴.

В конце XII столетия в Сербии усиливается движение за создание самостоятельного возглавления местной Церкви. Во имя великого церковно-народного дела Святую Афонскую Гору покидает один из самых прославленных иноков-подвижников, св. Савва (память его чтится Русской Церковью 12 января). В начале двадцатых годов XIII в.

² «Повесть временных лет», изд. АН СССР 1950, II, стр. 384.

³ Карпюк. Культурная роль Иверии в истории Руси, изд. 1910 г., стр. 83 и след.

⁴ Проф. А. С. Будилович, Очерки из Сербской истории, «Славянский сборник», т. II, изд. 1877 г., стр. 301; М. М. Чельцов, Церковь королевства Сербского, изд. 1889 г., стр. 2 и др.

св. Савва в сопровождении других послов отправляется в Никею, ставшую после захвата Константинополя крестоносцами резиденцией Цариградского патриарха. Здесь он получает признание автономности Сербской Церкви с правами самостоятельного поставления архиереев, решением Патриаршего Престола хиротонисует и — в сане архиепископа — становится первосвятителем новой, самостоятельной Церкви. В условиях политической обстановки на Балканах того времени сербские иерархи стали «тем же для Сербии, чем были первые московские митрополиты для первых собирателей русской земли»⁵.

Св. Савва еще в годы своего афонского подвижничества стал поборником сближения Сербской и Русской церквей. Связь между обеими церквями не только не ослабевала, но укреплялась в годы томления Руси под татаро-монгольским ярмом.

В 1346 году, по почину царя Стефана Душана, собор сербских архиереев при участии Болгарского патриарха, но без ведома Цариградского Престола, провозгласил автокефалию Сербской Церкви и усвоил архиепископу Иоанникию патриаршее достоинство. Константинопольская Церковь в 1352 году ответила произнесением анафемы на Сербскую Церковь и изложением ее иерархии. Тогда Душан изгнал из Сербии архиереев греческого происхождения. Конфликт был улажен ходатайством афонских монахов — сербов и русских: в 1375 году анафема была снята и автокефалия Сербской Церкви признана с условием: «чтобы сербы в случае, если они завладеют греческими странами, не сменяли греков-митрополитов». 391 год просуществовала Сербская Церковь на таком положении. В 1389 году, после битвы на Коссовом поле с турками, Сербское царство пало. Осталась независимой только Черногория⁶. Сосредоточившись в малодоступных горах, героические защитники страны под непосредственным руководством своего православного духовенства отстаивали свою свободу.

*
* *

В первые десятилетия своего владычества турки предоставляли сербам видимость гражданского самоуправления и вероисповедной свободы: скоро ни от того, ни от другого никаких следов не осталось. Целиком истреблялись многие знатные сербские фамилии, десятки тысяч мальчиков увозились в Константинополь, где, после насильственного обращения в ислам, их зачисляли в султанскую гвардию (янычары). В 60-х годах XV века султан Магомет II предложил 10 тысячам боснийских и сербских землевладельцев выбор: принять ислам или же быть казненными. Такие предложения повторялись неоднократно. Среди православных случаев вероотступничества насчитывались единицами, в ислам шли только католики и еретики-богомилы. Так «потуречены» были Босния и Герцеговина, в свое время перешедшие в католицизм.

Угнетенные сербы еще более сплотились вокруг Церкви. Храмы и монастыри стали подлинными центрами народной жизни, а патриарх — истинным главой народа. Грабители-откупщики опустошали храмы; с особой жестокостью они нападали на монастыри, в первую очередь притесняя те из них, при которых были школы. Уцелевшие храмы и обители облагались непомерно тяжелыми налогами. Черногория продолжала держать над страной знамя священной борьбы «за честный крест и золотую свободу» и стала как бы Святой Горой для всего православного южного славянства.

⁵ М. П. Чельцов, указ. соч., стр. 4.

⁶ И. Пичета, указ. соч., стр. 670.

Конечно, при таких условиях в Сербии должно было, если и не совсем умереть, то, по крайней мере, заглухнуть дело духовного просвещения. Наши единоверные братья-сербы обратили свои надежды к России. Уже с конца XV века Московская Русь стала признанным центром церковно-славянской письменности. И Сербия в XVI—XVII веках стала пользоваться рукописными, а позднее — и печатными книгами богослужебного обихода, Священного Писания, сглаголительских творений, поступавшими из Московии. Духовно-литературное общение стало одной из форм церковной связи между нашими народами.

Сербский народ дал для Руси XV—XVI вв. немало своих выдающихся сынов. Приснопамятной в истории Русской Церкви является деятельность св. Киприана, митрополита Киевского и всея Руси, родом серба. Много сделано для укрепления Православия на русском западе и юго-западе Киево-Литовским митрополитом Григорием Цамвлаком — также выходцем из Сербии. Драгоценна для нас память о сербе-иноке, афонском постриженнике Пахомии Логофете, великом труженике в благородном деле составления житий русских святых, посвятившем этому делу более 20 лет своей жизни. Много сербов-инок того периода трудилось на Руси. С другой стороны, Русская Церковь была опорой для Церкви Сербской. В России сербы получали значительные братские вспомоществования для своей бедствующей Церкви.

В 1641 году Скоплянский митрополит Симеон получил в Москве разрешение на постоянный сбор добродетельных пожертвований. В 1652, 1660, 1661 гг. ходил в Москву митрополит Михаил, в 1662 и 1665 гг. — митрополит Феодосий⁷. С более же разносторонними целями отправился в Россию сербский патриарх Гавриил. Он прибыл в Москву в 1655 году, пробыл здесь целый год, имея живое общение с патриархом Никоном и другими русскими иерархами, и участвовал во многих русских церковных делах. Сербские источники говорят о том, что патриарх Гавриил имел здесь с царем и патриархом Никоном «советы относительно турок и сербов», но содержания их не приводят. По возвращении на родину сербский первосвятитель был арестован турками, подвергнут всяческим истязаниям и в октябре 1659 года повешен в г. Бруссе.

Часть сербов, не будучи в силах переносить турецкий гнет, в 1481 году в количестве около 50 тысяч человек переселилась в Австро-Венгрию. В конце XVII — начале XVIII вв. к этим первым переселенцам присоединилось больше 250 тысяч сербов, оставивших полоненную родину. Австро-Венгерское правительство, повседневно ущемляя православных в правовом отношении, обеспечивало самое широкое содействие иезуитской пропаганде унии и всячески побуждало к ней сербское духовенство.

Холод чужбины, обстановка неприязни, унижений, всяческой несправедливости заставили многих несчастных переселенцев подумать о далекой, но родственной и единоверной России. В течение 1751—1753 гг. свыше 40 тысяч (по другим сведениям около 100 тысяч) австро-венгерских сербов во главе с капитанами Прерадовичем, Текели, Хорватом и Шевичем ушли в пределы Украины. Приняты они были здесь весьма радушно, и через несколько поколений полностью обрусели. Еще в 1810—1812 гг. в составе русской армии, действовавшей против турок, сражался отряд сербов под командой Милорадовича. А в конце XIX века о поселенцах напоминали только наименования мест, где они некогда обосновались: Славянск, Славяносербск, Славянская и др. Сами они совершенно растворились в русской среде.

Ценный вклад в дело духовного просвещения в Сербии был сделан Россией в начале XVIII века, когда в Сербии началось открытие право-

⁷ А. С. Будилович, указ. соч., стр. 329.

славных школ. По просьбе Белградского митрополита Моисея, из Москвы был командирован опытный педагог Максим Суворов, самоотверженно и бескорыстно проработавший ряд лет в сербских — Белградском и Будимском — училищах. В тридцатых годах того же столетия ректором Белградского училища (в курсе которого преобладали богословские дисциплины) был русский педагог Мануил Козачинский, кроме того, в числе преподавателей было четверо украинцев. В те же годы в сербском кафедральном Белградском соборе часто выступал с проповедями русский священник Синесий Залуцкий⁸. Многие сербы тогда же стали ездить на обучение в Москву и Петербург. В частности, отметим, что в России того времени получили образование такие выдающиеся деятели, как Загребский митрополит Караман, Черногорский владыка Петр I Негош, известный сербо-хорватский историк архимандрит Ранч (обучавшийся в Киеве) и другие.

Отдаленнейший сербский район — Черногория — с начала XVIII века установил с Россией постоянные дружественные сношения. Почином в этом деле была грамота Петра I, обращенная к народу Черной Горы с просьбой о поддержке предполагаемого русского похода на турок. Она была доставлена в 1711 году Черногорскому владыке Даниилу русскими послами Лукачевичем и Милорадовичем (сербом по происхождению). С этого времени вплоть до начала XX века не было ни одного черногорского владыки, который не посетил бы России.

*

* * *

Уход значительной части сербского духовенства и мирян в пределы Австро-Венгрии и последующий турецкий террор, без сомнения, ослабили Сербскую Церковь и народ. Чтобы подорвать влияние Церкви, хранившей в сердцах своих чад идею национального и духовно-церковного освобождения, правительство султана Махмуда объявило в 1766 году об уничтожении Сербской (именовавшейся Печской) патриархии. На все архиерейские кафедры последней немедленно стали назначаться греки-фанариоты. Наступил один из самых мрачных периодов в истории многострадальной Сербской Церкви. Новые епископы стали закрывать сербские школы; самыми жесткими мерами пытались истребить сербский язык в богослужении, заменив его греческим. Монастыри — оплоты сербской грамотности — разгонялись и к XIX веку почти совершенно обезлюдели; иноки старались пробраться на Афон. Естественно, взоры православных сербов вновь устремились к Русской Церкви.

В результате военно-повстанческих побед сербского народа турки в 1820 году признали Сербию «самостоятельным» княжеством на началах вассальной зависимости⁹. Тогда же сербы обратились к Цареградской патриархии с просьбой о даровании церковной автономии. Десять лет отмачивалась Патриархия. Не вняла она и горячим просьбам об этом святителя-грека Анфима, епископа Ловчанского. Лишь под воздействием России в 1832 году было заключено между Сербией и Цареградской патриархией соглашение, в силу которого митрополиты и архиереи избираются из числа сербского духовенства; митрополит не может быть свергнут с кафедры без разрешения Цареградского патриарха; святое миро Сербская Церковь получает в Константинополе¹⁰.

В 1805 году командование французской армии, занявшей часть

⁸ А. С. Будилович, указ. соч., стр. 33⁵.

⁹ Сб. «Балканские страны», изд. 1946 г., стр. 91.

¹⁰ Проф. Д. Н. Якович, Православная Сербская Церковь в XIX веке. Сб. «История Христианской Церкви в XIX веке», т. II, 1901, СПб, стр. 407–408.

австро-венгерских владений, под воздействием Ватикана предложило Черногорскому митрополиту Петру I титул Патриарха всех сербов и 200 тысяч франков (громадная по тому времени сумма) годового содержания с тем, чтобы он прервал сношения с Россией. Святитель категорически отказался. На повторное, более завуалированное предложение о том же, сделанное в 1809 году французским маршалом Мармоном, митрополит ответил еще более определенно. «Русские нам не враги,— сказал он,— а братья по вере и племени, любят нас, как и мы любим их... Славяне лишь от союза с могущественной и родной Россией ждут себе спасения и славы... Без русских — пропасть и всем другим славянам!»¹¹.

Второй из автономных митрополитов, Петр Иванович, в 1836 году, после большого перерыва, открыл в Белграде духовно-учебное заведение — «Богословию», куда в числе преподавателей были присланы двое русских — воспитанников Московской духовной академии. В 1840-х годах он ввел практику ежегодной посылки лучших выпускников Богословия в духовные академии Русской Церкви для подготовки преподавателей духовных школ и кандидатов архиерейства. Такая практика продолжалась до первой мировой войны. Воспитывались сербы во всех русских духовных академиях, больше всего — в Киевской. Везде они были окружены повседневными заботами и вниманием. Почти все наиболее энергичные и просвещенные иерархи и ученые богословы Сербской Церкви были выпускниками наших академий.

С 1859 по 1898 год (с перерывами) предстоятелем Сербской Церкви был один из виднейших в истории этой Церкви иерархов митрополит Михаил (в мире Милое Иванович), выпускник Киевской духовной академии, постриженник Киево-Печерской Лавры. 28-ми лет от роду он в 1854 году был хиротонисан на Шабацкую епископскую кафедру, а через пять лет единогласно избран митрополитом Сербской Церкви и утвержден грамотой Цареградского патриарха Кирилла. Новый первосвятитель в относительно короткий срок реформировал церковное управление и духовное судопроизводство¹². При нем с решающей помощью России Сербия была совершенно освобождена от турецкого владычества в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В период военных действий имели место трогательные встречи сербского духовенства с русским и их многократные сослужения.

В октябре 1879 года после длительных переговоров митрополита Михаила с Константинопольским патриархом Сербская Церковь получила полную автокефалию. Но первосвятителю пришлось выдержать упорную борьбу с правительством Милана Обреновича за невмешательство последнего в чисто церковные дела. В 1881 году митрополит Михаил был совершенно незаконно отстранен королем от первосвятительского поста. После путешествия по святым местам православного Востока он в 1884 году прибыл в Россию и занялся здесь научно-богословской работой, которая была оценена избранием его в почетные члены Киевской духовной академии и Петербургского университета. В 1889 году, по настойчивому желанию сербского духовенства и народа, митрополит Михаил был возвращен на свой пост. К концу своей жизни (✝ в 1898 году) он состоял почетным членом всех русских духовных академий и нескольких университетов.

Высоко ценя русское духовное образование, митрополит Михаил усиленно посылал способных молодых людей в наши академии. Харак-

¹¹ А. С. Будилович, указ. соч., стр. 315; Березкин, Краткий очерк истории Сербской Церкви в Хорватии, Словении и Далмации. Журнал «Христианское Чтение», 1873, № 6—7, стр. 431—438.

¹² Проф. Д. Н. Якшич, указ. соч., стр. 410—411. Для характеристики деятельности первосвятителя нами использована работа проф. И. С. Пальмова, Памяти высокопреосвященного Михаила, изд. 1898 года.

терно, что в соответствии с установленным им порядком все кандидаты священства, независимо от образовательного ценза, должны были испытываться в славянском чтении, церковном пении, уставе и литургике. Выпускники же русских академий от испытаний освобождались¹³.

Со времени святительства митрополита Михаила Сербская Церковь особенно ревностно следит за чистотой и уставностью богослужения. Заметим, что в настоящее время сербское богослужение почти тождественно русскому.

Из-за правительственных утеснений и экспансии Рима в деле насаждения унии едва не погибла Православная Церковь в Далмации. Лишь в самом конце XIX века она стала выходить из тяжелого кризиса, чем она в очень значительной степени обязана трудам епископа Никодима Милоша, магистра Киевской духовной академии — одного из знаменитейших в мире канонистов и церковных историков.

*
* *

После первой мировой войны, в 1919 году, все районы, заселенные родственными югославянскими народами — Сербия, часть Македонии, Черногория, Босния с Герцеговиной, Хорватия со Словенией, Далмация и Воеводина — объединились в составе централизованной Югославии. Православная Церковь с патриаршим возглавлением стала действительно общесербской. Предстоятель церкви получил титул архиепископа Печского, митрополита Белградско-Карловацкого и патриарха Сербского.

В период между двумя мировыми войнами непосредственные связи между Сербской и Русской церквями в силу международной обстановки были несколько ослаблены.

Мы счастливы возможностью засвидетельствовать, что в тяжелые для Русской Церкви годы, когда ее единству серьезно угрожали внутренние расколы, особенно раскол так называемого «обновленчества», Сербская Церковь проявила исключительно верное понимание обстановки. Она, едва ли не первой из автокефальных православных церквей, категорически заявила: «Единственным правомочным представителем русского Православия мы считаем так называемую Тихоновскую Церковь». А об обновленцах Священный Синод Сербской Церкви так писал Местоблюстителю Патриаршего Престола в СССР: «К ним мы относимся как к нарушителям святых канонов и отступникам от чистоты Православия».

В тридцатых годах кормчим Сербского Православия был Святейший патриарх Варнава, питомец и кандидат богословия Петербургской духовной академии, постриженник Александро-Невской Лавры. Прочная дружба во Христе связывала его с незабвенным кормчим Русской Церкви в годы бурных церковных штормов, Митрополитом Сергием.

В высшей степени сложным и трудным вопросом для обеих наших церквей был так называемый «карловацкий» вопрос. Тогдашнее (королевское) югославское правительство в 1920 году предоставило политическое убежище русским белоэмигрантам, в том числе и значительной группе покинувших свои епархии архиереев. Часть последних, возглавленная митрополитом Антонием (Храповицким), образовали в г. Сремских Карловцах самочинное сборище, названное «Заграничным Синодом Русской Церкви», которое сочло себя вправе распоряжаться всеми русскими заграничными приходами и епархиями. Назначенный Патриархом Тихоном на пост Экзарха в Западной Европе митрополит Евлогий, в 1931 году вышел из подчинения Московской Патриархии и

¹³ М. П. Чельцов, указ. соч., стр. 238—239.

перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Сербский патриарх Варнава и Священный Синод выразили протест против антиканонического действия Константинопольского Патриарха.

По отношению же к карловацким архиереям-самочинникам руководство Сербской Церкви приняло на себя действенное посредничество в переговорах с ними Местоблюстителя Патриаршего Престола. Но раскольники растоптали все возможности примирения с Матерью-Церковью и с волей породившего их народа.

Во всяком случае не подлежит сомнению, что и в годы между двумя мировыми войнами Сербская Церковь продолжала относиться к великой Сестре — Русской Церкви, как к истинной, непоколебимой носительнице Православия.

В унисон бились сердца чад Русской и Сербской православных церквей и в годы Великой Отечественной войны против гитлеровских захватчиков. Деятельность обеих церквей в эти незабываемые годы характеризуется прежде всего тем, что они неизменно шли со своими народами, активно боровшимися за честь и независимость своих стран. Тяжелейшие потери понесла героическая Сербская Церковь. В гитлеровских застенках мученически погиб предстоятель входившей в юрисдикцию Сербской Патриархии Чешской и Моравско-Силезской епархии епископ Горазд. Смертной казни были подвергнуты гитлеровцами митрополит Петр, епископы Платон, Ерофей, Савва и другие святители¹⁴, а также сотни священников. Если же исчислять количество архиереев и священников Сербской Церкви, истязавшихся гитлеровцами и томившихся в ужасных лагерях смерти, но оставшихся в живых, то гораздо легче будет перечислить оставшихся нетронутыми. Возглавивший Церковь в предвоенное время великий печальник за Церковь и верующий народ патриарх Гавриил был с первых дней фашистской оккупации подвергнут тюремно-монастырскому заключению, часто истязаем, а в последние месяцы войны стал узником зловещего лагеря смерти в Дахау. Лишь к 1946 году он вернулся оттуда, хотя и бодрый духом, но с безнадежно надломленным здоровьем.

В своем известном обращении «к братьям-славянам» от 22 июня 1943 года Митрополит Николай (тогда Киевский и Галицкий) от имени Русской Церкви обращался к славянам, в частности и к сербам, со словами ободрения в борьбе за святое дело и заверением в том, что Русская Церковь действительно помогает братьям по вере.

Непосредственное общение между Русской и Сербской православными церквями восстановилось еще до окончания военных действий. В январе 1945 года в Москву для участия в Поместном Соборе прибыла делегация Сербской Церкви в составе Заместителя Патриарха Митрополита Скоплянского Иосифа, епископа Нишского Иоанна и сопровождавших их лиц (прот. И. Сокаль и др.). В знак исконной церковной дружбы делегация поднесла в дар Святейшему Патриарху Алексию древнее Мирославлево Евангелие и икону св. Саввы и его отца Симеона Мироточивого. В подробном сообщении о церковной жизни в Югославии митрополит Иосиф сообщил о растущем среди верующего православного населения Закарпатской Руси желании воссоединиться с Матерью Русской Церковью.

В апреле того же года солнечная Югославия и руководители Сербской Церкви (с многими тысячами верующих) горячо, сердечно, действительно по-братски встречали делегацию Московской Патриархии в составе епископа Кировоградского и Одесского Сергия, протонереев Стеф. Маркова и Дм. Цветкова и проректора Богословского института проф. С. В. Савинского. «Наш дом, это — ваш дом», — сказал при

¹⁴ Деяния Совещания Глав и представителей автокефальных православных церквей, М., 1948, т. II, стр. 200—201.

встрече делегации высокопреосвященный митрополит Иосиф. Эти слова полностью отражают отношения всех православных сербов к Русской Церкви, и это чувствовала наша делегация на каждом шагу во все дни пребывания в Югославии.

Сербская Церковь весьма чутко отнеслась к пожеланиям закарпатских православных украинцев, и уже 22 ноября 1945 года в Москву прибыл известный старой церковной Москве Мукачевский епископ Владимир¹⁵. Он привез постановление Священного Синода Сербской Церкви о передаче Мукачевской епархии Русской Церкви. От имени митрополита Иосифа епископ Владимир сообщил о том, что вся Сербская Церковь испытывает искреннюю радость возвращения закарпатцев в состав родной Церкви.

Новым вкладом в дело русско-сербской церковной дружбы явилось второе посещение Белграда Патриаршей делегацией в составе епископа Сергия и секретаря Патриархии Л. Н. Парийского. А 10 января 1946 г. церковная Москва принимала представителей Чешской епархии Сербской Православной Церкви. Руководствуясь искренним и доброжелательным согласием Сербской Патриархии, делегация юной Церкви (она была создана лишь в 1919—1920 гг. трудами приснопамятного епископа Горазда) просила о принятии ее в юрисдикцию Московской Патриархии. Просьба была удовлетворена. Мы знаем, что благодаря содействию Русской Церкви Чешская епархия быстро выросла, окрепла, созрела для самостоятельной церковной жизни и получила от Материнской Церкви право на автокефальное существование.

Новым шагом укрепления церковной дружбы было посещение Югославии в декабре 1946 года Митрополитом Крутицким Николаем в качестве делегата Всеславянского Конгресса. Там он был также гостем Сербской Церкви и Патриарха Гавриила. Святейший Патриарх в своей речи засвидетельствовал тогда, что «Русская Церковь всегда была, есть и будет для Сербской самой близкой, дорогой и родной».

В 1948 году высокие представители Сербской Церкви — Патриарх Гавриил, митрополит Скопльский Иосиф, епископ Браничевский Венямин, д-р Павел Дрецуна и г. Душан Дожич — приняли непосредственное участие в Совещании Глав и Представителей автокефальных православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Их выступления явились ценным вкладом в деяния Совещания. «Следуя нашим вековым традициям, — сказал в своем приветствии Святейший Патриарх Гавриил, — мы всегда... имели помощь и защиту во все дни нашего бурного и тяжелого прошлого от мощной покровительницы Православия и славянства Матери-России; мы... и ныне видим в величии России надежную гарантию счастливой будущности Православия и славянских народов, гарантию мира, правды и свободы всего человечества во всем мире».

Предстоящий приезд в СССР с визитом дружбы Святейшего Сербского Патриарха Викентия ожидается Русской Церковью как большой праздник, знаменующий открытие новой эры в развитии русско-сербских церковных отношений во имя счастья наших народов, во славу Божию.

И. Шабатин,
профессор Моск. дух. академии

¹⁵ Епископ Владимир (в мире Любомир Райч) по национальности серб, род. в 1882 г. В 1903 г. окончил Вифанскую семинарию, в 1907 г. Московскую духовную академию со званием кандидата богословия.

ИЗ ЖИЗНИ ИНОСЛАВНЫХ И С П О В Е Д А Н И Й

ПАМЯТИ ВИЛЬЯМА ДЖОНА БИРКБЕКА

Вильям Джон Биркбек (Birkbeck) родился в 1859 году в Англии в местечке Форп близ Норвича. Глубоко религиозный по воспитанию и по личным задаткам, он с ранних лет обнаруживал особенную любовь к церковному богослужению, часто посещал с родными приходский храм и с ранних же лет имел глубокий интерес к церковной музыке. Во время своего пребывания в Итонском колледже мальчик в свободное от занятий время часто посещал соседний с Итоном приходский храм и твердо знал все приходские праздники. Питая особенную склонность к истории, он много занимался этой наукой и в Оксфордском университете, куда поступил в 1877 году для продолжения образования. Там, в колледже св. Марии Магдалины, Биркбек начал свои занятия по истории церковной музыки и пения в Англии. Прекрасно играя на многих инструментах, он обладал феноменальной музыкальной памятью; ему, по словам доктора Батса, ничего не стоило бы восстановить по памяти все квартеты Бетховена, если бы они были потеряны. Кроме истории, он хорошо изучил в университете греческий язык и по окончании в 1881 году университетского курса получил ученую степень кандидата, а в 1884 году — степень магистра.

Впоследствии самым любимым предметом научных исследований Биркбека стала история Восточной Церкви, особенно Русской. Историей Восточной Церкви он заинтересовался впервые под влиянием английского богослова каноника лондонского собора св. Павла Лиддона, посетившего Россию после Крымской войны и лично беседовавшего с приснопамятным митрополитом Московским Филаретом.

Сам Биркбек впервые посетил Россию в 1882 году по пути в Стокгольм. В Петербурге он неожиданно для себя стал свидетелем глубокого благочестия русского народа и был поражен красотой церковных богослужений и русской церковной музыки. Под впечатлением увиденного Биркбек несколько раз приезжал в Россию исключительно для того, чтобы провести Страстную седмицу и Пасхальную ночь в Москве. Кроме того, в 1888 году он был в Киеве на торжествах в память крещения Руси и здесь сблизился со многими лицами из православного духовенства. Этот визит способствовал еще большему расположению его к Русской Православной Церкви.

В дальнейшем, на протяжении всей своей жизни, м-р Биркбек устанавливал и старательно поддерживал личное знакомство со многими духовными лицами из клира Русской Православной Церкви, а также с профессорами наших духовных академий, а особенно в близких отношениях он был с покойным митрополитом Петербургским Антонием.

Изучив русский язык, Биркбек в 1889—1894 гг. предпринял ряд больших путешествий по России, посетив все крупные и древние города

нашей страны. В 1895 году он провел в России Рождество Христово, встречал новый год, в 1897 году сопровождал в Россию архиепископа Йоркского Маклагана и принимал в Лондоне архиепископа Финляндского Антония, которого особенно уважал; в следующем году снова был в Москве и до самой своей смерти почти ежегодно посещал нашу страну. Так, в январе 1912 года Биркбек был в числе членов приезжавшей в Петербург и Москву английской парламентской группы, в состав которой входили четыре англиканских епископа: епископ Векфильдский, епископ Бангорский, епископ Эксетерский и епископ Оссорский. Тогда после концерта, устроенного в честь гостей в доме обер-прокурора Святейшего Синода, архиепископ Финляндский Сергей приветствовал англиканских епископов и вместе с ними Джона Биркбека следующей речью: «Я имею лестное для меня поручение приветствовать наших дорогих английских гостей от лица собравшихся здесь иерархов Православной Церкви. Я думаю, мне не нужно уверять, что мы всей душой присоединяемся к той радости, с какой вас встречает наша северная столица. Имея незаслуженную милость Божию и счастье принадлежать к Святой нашей Церкви и любя ее всей душой, мы не можем не любить и не относиться дружелюбно ко всем тем, кто ее любит, кто относится к ней с почтением и дружелюбно. Нас, православных, всегда умиляет живущее среди англиканских христиан стремление знать нашу веру, как-нибудь сблизиться с нами в церковном отношении. Нас умиляет давнее тяготение англикан к Восточной Церкви, их желание видеть, как мы живем и спасаемся. На любовь мы не можем отвечать иначе, как только любовью, на дружбу — дружбой. Мы не увлекаемся никакими несбыточными надеждами, как его лордство сказал в своей речи, что дело единения церквей — дело будущего, и путь его долгий и исполнен всякой трудности. Но как бы ни было это трудно, для него стоит трудиться, стоит жить и посвятить все свои силы. Да будут благословенны труды и усилия всех, кто трудится на этом пути: мы можем встретить их труды лишь самыми лучшими нашими пожеланиями. Вместе с их лордствами мы сердечно приветствуем и давнишнего знакомого и испытанного друга нашей Церкви мистера Биркбека. Да послужит же это наше свидание к дальнейшему укреплению уз взаимного уважения и любви, которые нас связывают; примите от нас наилучшие пожелания и позвольте нам, по русскому обычаю, пропеть вам «многая лета»»¹.

Во время своих частых путешествий в Россию Биркбек изучал все стороны русской религиозной жизни, памятники церковной старины и церковной архитектуры, знакомился с монастырями и с жизнью приходов. Свое знакомство с русским бытом он пополнял чтением. Все крупные богословские и церковно-исторические труды были ему известны. В его библиотеке в Англии имелись славянская Библия (издания Острожского), полный круг наших богослужебных книг на славянском и греческом языках, собрание сочинений митрополита Филарета, богословские труды митрополита Макария, сочинения архиепископа Херсонского Никанора, «Церковный устав» Никольского, «Обиходы» Львова, сочинения Смоленского о пении, исследования Преосвященного Амфилохия по археологии, периодические духовные издания, труды Преосвященного Сильвестра, «Семейная жизнь в расколе» Нильского, сочинения А. С. Хомякова, Ю. Самарина, рукописи до-никоновского времени, иконы старинного и нового письма.

Свои знания о России и о Русской Православной Церкви Биркбек не держал под спудом, а делился ими со своими соотечественниками путем публичных лекций и через свои переводные книги и брошюры. В лекции о Русской Церкви, прочитанной в 1894 году в Глостере, Бирк-

¹ Церковные Ведомости, СПб, 1912. № 3.

бек говорил: «Учености ее богословов, красноречию ее проповедников, ревности и успеху ее миссий нет нужды бояться сравнения с таковыми же во всяком другом исповедании в мире. По блеску же свих святынь, торжественности своего церемониала и красоте своей литургии и богослужения у нее нет соперника в христианстве». И в других прочитанных им лекциях о Русской Церкви неизменно говорится о ее величии и высоте богословской литературы, засвидетельствованной выдающимися богословами Запада.

Помимо лекций, многие из которых появились потом в печати, Биркбек издал в 1895 году крупный труд: «Россия и Англиканская Церковь в течение последних пятидесяти лет» (*Russia and English Church during the last fifty years*, London, 1895); в 1899 году он перевел и издал статью профессора А. И. Булгакова, посвященную вопросу об англиканских рукоположениях (*The Question of Anglican Orders*, by A. Bulgakoff, translated by W. J. Birkbeck, London, 1899), а в 1900 году издал свой перевод сочинения профессора Московской духовной академии В. А. Соколова: «Иерархия Англиканской Епископальной Церкви». Кроме этих трудов, известны следующие работы м-ра Биркбека: «*The Reunion of Christendom*» (Воссоединение христианства), «*Hindrances to christian unity*» (Препятствия христианскому единению), «*Possibilities of intercommunion with the Holy Orthodox Eastern Church*» (Возможность взаимообщения со Святою Православною Восточною Церковью) и другие. Многие из его произведений до напечатания читались на публичных собраниях.

В лучшей церковной газете «*Guardian*» Биркбек помимо своих работ помещал переводы статей наших богословов об Англиканской Церкви, помещенных в русской церковно-общественной периодической печати. Все его статьи и лекции, неизменно благожелательные к Православной Церкви и России, имели большое влияние на английское общество. Последняя поездка Биркбека в Россию в 1916 году была связана с его намерением устроить ряд лекций о России в Оксфордском университете.

Много труда положил Биркбек на ознакомление своих соотечественников с православным богослужением. В 1895 году он перевел на английский язык кондак «Со святыми упокой» и сделал переложение его напева. Это песнопение вошло в употребление в королевской церкви, в соборе св. Павла в Лондоне и в других местах. В 1898 году Биркбек издал свой перевод нашей панихиды и в предисловии к этому переводу ознакомил английских читателей с общим характером и значением заупокойного богослужения восточной Православной Церкви. По словам покойного профессора Петроградской духовной академии Н. Н. Глубоковского, Биркбек все наше богослужение «постигал умом и сердцем и восторгался им с священным трепетом, неудержимо влекся к истовой православной службе, ценил ее красоты с чуткостью высокообразованного музыкального человека и особенно дорожил целостностью религиозного возвышающего настроения, для чего известный связный цикл церковных молений обязательно проводил в одной церкви, дабы не растрачивать нарастающего впечатления с его живительным действием на душу»².

Главная заслуга Биркбека состояла в том, что всю свою широкую церковно-общественную деятельность он посвятил великому делу сближения своей родной Англиканской Церкви с Православной Русской Церковью. Эта деятельность его имела большие результаты, о чем профессор Н. Н. Глубоковский в свое время писал: «Значение и влияние И. В. Биркбека давно повсюду признавалось и благотворно сказыва-

² «Светлой памяти друга России и русского Православия Ивана Васильевича Биркбека». Проф. Н. Н. Глубоковский. Труды Киевской духовной академии, 1916, ноябрь — декабрь, стр. 236—237.

лось у нас и на родине, а в последние годы он имел всеобщий и непре-
рекаемый в Англии авторитет энциклопедической эрудиции по вопро-
сам о Православии вообще и о русском в особенности. И все свои
таланты, познания, опыты и связи он бескорыстно и неумоимо, благо-
родно и достойно приносил на алтарь Отечества и дорогой ему
России»³.

Биркбек был одним из тех редко встречающихся людей, у которых
вопросы религии и церковной жизни стоят всегда на первом плане и
составляют главный предмет мысли и деятельности. Несмотря на то,
что он не принадлежал к числу лиц духовного звания и не занимал в
Англиканской Церкви никакого официального положения, он прини-
мал в ее жизни и деятельности такое близкое и действенное участие,
которое могло бы доставить честь и уважение любому духовному лицу.

Из последней своей поездки в Россию в 1916 году Биркбек вер-
нулся на родину в пятницу 20 мая (по ст. ст.). В воскресенье 22 мая
он вместе со своей семьей присутствовал за литургией и приобщился
св. Таин, но на другой день заболел воспалением легких и в 5 часов
утра в пятницу 27 мая скончался.

Погребение Джона Биркбека состоялось в Stratton Strawless 30 мая
(12 июня), когда по редкому совпадению и Русская и Англиканская
церкви одновременно праздновали День Святого Духа. Несмотря на
ненастную погоду в этот день, отдать последний долг почившему поже-
лало множество его почитателей. Храм и весь церковный двор были
переполнены молящимися. Пел хор Норвичского собора. Над искрен-
ним другом Православной Церкви и России раздалась в его собствен-
ном переводе и переложении умирительная надгробная песнь: «Со свя-
тыми упокой, Христе, душу раба Твоего, иде же несть болезнь, ни
печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Сорок лет прошло со дня смерти Джона Биркбека, но память об
этом чутком и благородном человеке, испытанном и бескорыстном
друге Русской Православной Церкви и России, жива и никогда не
умрет в сердцах русских людей.

П. Харламов

³ Н. Н. Глубоковский, указ. соч., стр. 245.

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отв. Секретарь Редакции **А. В. Ведерников**

Адрес Редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва, Г-48, Б. Пироговская, 2
(бывш. Новодевичий монастырь)

